Ясмина Михайлович
&
Милорад Павич
НА БЕРЕГАХ ХАЗАРСКОГО МОРЯ
две жизни — одна любовь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спокойная, чуть меланхоличная манера Ясмины Михайлович напоминает оригинальный, фантазийный, тонкий стиль произведений Милорада Павича, пожалуй самого читаемого автора с Балкан. Искусное переплетение под одной обложкой текстов, вышедших из-под пера мужа и жены, дало жизнь своеобразному литературному коллажу — романтическому повествованию о любви двух сербских писателей, которых не смогла разлучить смерть.

- Ясмина Михайлович
  -
  -
  -
  - Запоздалые письма о любви
    - Ясмина Михайлович и Милорад Павич
    - Запоздалые письма о любви
    - Ящик для письменных принадлежностей капитана
    - Тунисская белая клетка в форме пагоды
    - Три стола
    - Жемчужное ожерелье
    - Парижский поцелуй
    - Побег на другой берег
  - Ясмина Михайлович и Милорад Павич
    - 1 глава
    - 2 глава
  - Ясмина Михайлович и Милорад Павич
    - Милорад Павич
    - Ясмина Михайлович
  - Примечания к изданию
  - Об авторах
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

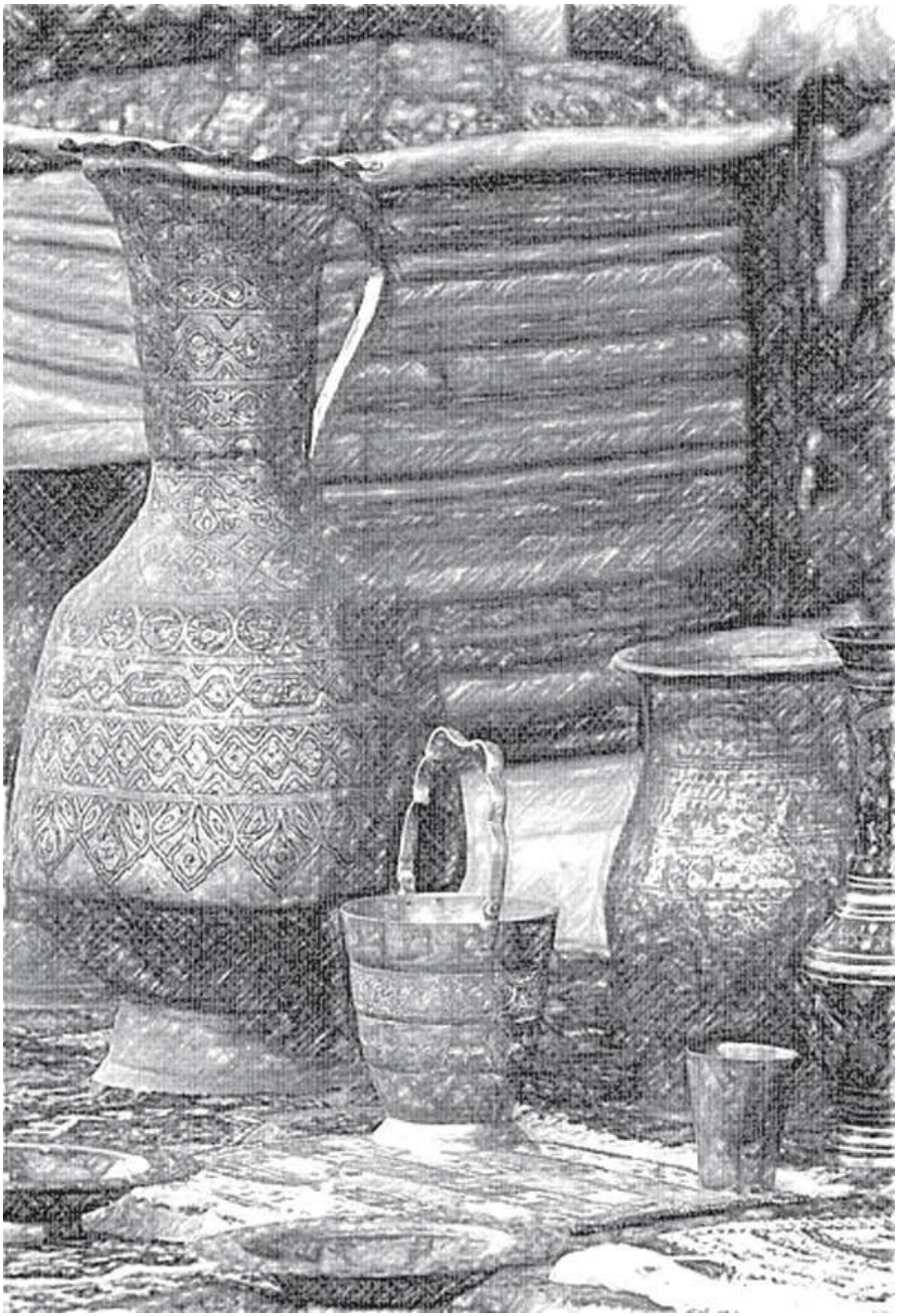
Ясмина Михайлович
На берегах Хазарского моря
Две жизни — одна любовь

Jasmina Mihajlovic
NA OBALI HAZARSKOG MORA

Издание осуществляется по договоренности с Tempi Irregolari, Италия

Copyright © Jasmina Mihajlovic, 2014
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *



Азербайджан,
май 2012 года, Баку

Уазари, таково официальное название народа Азербайджана, есть свое море — Хазарское. Мы, как и весь мир, считаем его Каспийским морем, однако, стоит попасть в Азербайджан, все в

одно мгновение оказывается хазарским. Хазарское море, салат «Хазар» (с белужьей икрой), хазарская нефть…

Как бы то ни было, у меня, вдовы Милорада Павича, серба, автора «Хазарского словаря» — книги, переведенной на 36 языков и изданной на всех континентах, — теперь два дома: Сербия и Хазария. В Сербии я родилась, а Хазарию получила в наследство.

Как посол ЮНЕСКО, я провела восемь дней в Баку в качестве гостя правительства Азербайджана и Фонда, возглавляемого изысканно-красивой первой леди страны Мехрибан Алиевой. В составе сербской делегации нас было четыре женщины, мы получили приглашение посетить музыкальный конкурс «Евровидение» и провести неделю в этой стране на уровне, которого удостаиваются высшие должностные лица.

Эта поездка была одной из тех, что навсегда меняют человека, дают возможность вырасти духовно, преобразуют и оставляют след; своего рода культурно-геологическая инициация. Для меня путешествие стало паломничеством. Я примерила на себя образ хазара из книги «Хазарский словарь».

В 2011 году в парке Ташмайдан в Белграде, реконструированном при поддержке правительства Азербайджана, был установлен памятник Милораду Павичу. Событие было отмечено выпуском юбилейного издания «Хазарского словаря» и медали с изображением памятника. В качестве подарка я передала президенту Алиеву копию рукописи «Хазарский словарь» — самое ценное, что могла преподнести народу, относившемуся к Милораду Павичу как к национальному писателю. На самом деле, по роковому велению судьбы, произведения Милорада Павича, при жизни и после кончины, все народы, языки, культуры и религии мира принимали как свои собственные, кроме его родной страны. Сербия до сих пор относится к писателю недоверчиво, несмотря на то что его книги более трехсот раз издавались по всему миру.

Несколько лет назад, когда посол Азербайджана в Сербии д-р Эльдар Гасанов пришел официально известить меня об установке памятника, я почти ничего не знала о его стране. Туманный образ далекого государства, находящегося на постсоветском пространстве, не так давно обратившегося к исламу; также всплывали знания, полученные в школе, что Баку — какой-то крупный порт. Вот и все.

Господин Гасанов сказал, что я могу считать Азербайджан своим вторым домом. Я приняла его слова за дипломатическую учтивость, восточную вежливость, отнеслась как к ласкающему слух, но легковесному заявлению, не имеющему ценности.

А потом я внезапно ощутила себя хазарской принцессой… Все

работники посольства посещали могилу Милорада Павича в день его рождения и годовщину смерти, сопровождали меня на литературные чтения моих книг, по любым поводам отправляли корзины изумительных подарков; толпы людей ожидали возможности получить мой автограф, я была почетным гостем на церемониях открытия медресе, церквей, памятников и парков; мне было доверено редактировать сербско-азербайджанский словарь…

В конце концов (вернее, это было начало) меня пригласили в Баку в качестве почетного гостя правительства страны, дарили ковры, шелка, икру, золото, серебро, книги…

Азербайджан граничит с Ираном, Туркменистаном, Казахстаном, Россией, Грузией и Арменией. Это место и Запад и Восток одновременно. Ни Европа, ни Азия, но включающее в себя и то и другое. Это не исламская страна и не христианская, здесь присутствует симбиоз обеих религий.

Люди сначала напоминали мне лица с фаюмских портретов — коптов, потом казались похожими на арамунов, хотя я и не знаю, кто они такие; у народа Азербайджана большие карие и умные глаза, резко очерченные носы, похожие на клювы, ярко выраженные скульптурные брови. Встречались также голубоглазые, славянской внешности — наследие расположенной рядом России и Кавказских гор, вторгшихся на территорию страны. Ко всей этой чересполосице стоит добавить персидское влияние соседнего Ирана, но, поскольку мне мало об этом известно, я предпочту промолчать. Язык азари, на котором изъясняются, наряду с русским, в Азербайджане, принадлежит к тюркской группе. Население час то само не замечает, как переходит с азербайджанского на русский и обратно. То, что мы говорили на сербском, они более или менее понимали, отчасти из-за того, что это славянский язык, отчасти из-за множества тюркских заимствований. У них также не вызывала удивления наша привычка сплюнуть три раза, чтобы защититься от зла. Однако между нами все же расстояние в 4 тысячи километров, если по прямой.

В Баку я действительно чувствовала себя как дома. Менталитет наш почти схож, взаимопонимание достигнуть легче, чем, например, с греками или турками. К тому же Азербайджан — небольшая страна, почти такая же по размеру и количеству населения, как Сербия, с политическими и территориальными разногласиями с соседями, напоминающими наши с Косово, и они так же любят страстные дебаты на политические темы; принципиальное различие состоит в том, что у них почти столько

же нефти, сколько у нас воды, хотя сложно сказать, что будет представлять большую ценность в будущем! В настоящее время они обладают преимуществом в глазах всего мира.

Перелет в Баку был по-настоящему долгим. Несмотря на особое отношение, способное многое ускорить, и роскошные условия, он растянулся на весь день. От рассвета до заката. В кишащем муравейнике аэропорта Стамбула мы перевели стрелки часов на час вперед, затем к этому времени добавились еще три часа, проведенные в самолете, летевшем в Баку. Жители Центральной Европы начинают смотреть выступления на «Евровидении» в 8 часов по Гринвичу, или, как зрители в Сербии, в 9, а для населения Баку трансляция начинается в полночь и заканчивается в 4 утра по местному времени, незадолго до рассвета, когда солнце начинает подниматься над Каспийским-Хазарским морем. Короче говоря, часы пришлось перевести еще на три часа вперед.

Мне очень повезло обозревать земли этой страны не в темное время суток, а ясным, погожим днем, поскольку такой красоты природу удается увидеть нечасто. Миновав скрытую дымкой территорию Турции и черно-синие воды Черного моря, вы летите над горами Грузии, словно обтянутыми плюшевой изумрудной тканью, а вскоре взору открывается и вовсе удивительный пейзаж, словно под крылом совершенно чужая планета. Марс! На сотни километров простираются голые скалистые плоскогорья, испещренные красными линиями неоновых огней, напоминающие взлетные полосы для космических кораблей. Реки размером с Дунай ползут гигантскими змеями меж камней по лишенным травы долинам. В свете заходящего солнца их поверхность кажется гладкой, словно покрытой льдом. Они переливаются далеко внизу, подсвеченные желтым светом, и кажутся неживыми. Я отчетливо видела три, и они показались мне великолепными и пугающими. Затем пейзаж, видимый из иллюминатора, стал похожим на дикую пустыню. Бело-серая поверхность с кратерами безжизненных вулканов и идеально ровными протяженными плато, напоминающими необычные вертолетные площадки. После знакомства с удивительным природным ландшафтом нам открылся вид на Каспийское море. Хазарское, как называют его жители Азербайджана.

Воды моря были неподвижными, будто мертвыми, бескрайними, мутно-синими. Наконец наш самолет приземлился в Баку, и мы оказались в здании аэропорта, представлявшем собой архитектурное чудо из темной стали и стекла, напоминающем строения из фантастических фильмов — например, «Звездные войны» или «Звездный путь». Ближе, в свете

огней, я смогла разглядеть, что оно кажется воздушным, кружево стекла поддерживали стальные прутья каркаса. Настоящий восточный дворец будущего.

Так началось мое знакомство с Баку — столицей, которая днем и ночью совсем разная, буквально два не похожих города.

Откровенно говоря, я задумывала свое путешествие как настоящее паломничество, моей целью было привезти камушки с Хазарской земли и закопать их в клумбе у памятника мужу, Павичу, в парке Ташмайдан. Памятник был также изготовлен в Азербайджане и доставлен в Сербию. Мне выпал шанс побывать на земле, где он «родился», где «жила» его душа, в месте, благодаря которому появился «Хазарский словарь».

Пусть же соединятся в одном месте любовь, литература, метафизика, жизнь земная и вечная!

Я не ожидала, что моя поездка в Азербайджан будет такой. Я стала дорогим гостем правительства и города в тот момент, когда там проходило весьма значимое событие — конкурс «Евровидение». Я путешествовала бизнес-классом, меня обслуживали на самом высоком уровне, я останавливалась в самых дорогих гостиницах, на все время визита мне предоставили своего рода дипломатическую неприкосновенность, у меня были приглашения на все три конкурсных концерта… Я привезла с собой четыре вечерних платья, множество пар обуви, украшения, книги, написанные мной и мужем, изданные на русском, которые планировала вручить в качестве подарков, и, разумеется, не забыла о профессиональной косметике… Я и представить не могла, что буду путешествовать вдоль побережья Каспийского моря на президентском микроавтобусе; увижу петроглифы, созданные 40 тысяч лет назад; окажусь в зороастрийском Храме Огня; буду приглашена на семейные торжества в дома местной элиты; получу подарки, достойные принцессы; буду присутствовать на концертах в Хрустальном дворце и возвращаться на рассвете; что телохранители будут сопровождать меня в магазин, где я куплю женские прокладки с крылышками; буду есть глазированную утку в микроавтобусе, поскольку насыщенная программа давала возможность спокойно отведать лишь безумно дорогие блюда в отеле; мне придется 20 минут ждать, пока мне подадут кофе, поскольку я оказалась на земле, где существует культ чая; мне удастся спастись от атаки террористов; и со мной будут происходить совершенно сверхъестественные события, а порой и настоящие чудеса…

Впрочем, чуда мне как раз следовало ожидать.

Баку — город света и ветра

Баку похож на Париж! Во всем. В архитектуре, атмосфере, цвете города…

На архитектуру, несомненно, оказала влияние исламская культура Востока, как и Советы, немного Грузия и Турция, некоторые места напоминали мне Мальту и Грецию, а какие-то — сверхсовременный Дубай, но Баки, как называют его местные жители, в целом очень от них отличается. Азербайджан — это Азербайджан. Земля огня. От красоты ландшафта и природы захватывает дух. Это земля, где картины рая и ада чередуются друг с другом.

Если бы мне надо было дать краткое определение городу, я назвала бы его евразийским Парижем. Это первое впечатление оставалось со мной до самого последнего дня путешествия.

Архитектура, здания насыщенных оттенков цвета слоновой кости, орнаменты, кованые ограды балконов, канделябры, декоративные конструкции, фонтаны, бульвары, богатое световое украшение, блеск витрин магазинов, предлагающих товары всех европейских и американских фирм. Разница лишь в том, что Баку значительно чище Парижа!

Атмосфера города, эстетика в каждом творении, тяготение к искусственному, тонкий вкус в деталях — ни одну из этих черт нельзя приписать росту экономики, связанному с взлетом цен на нефть, недавно обретенному богатству или необходимости преобразиться перед проведением «Евровидения». Это результат влияния на протяжении сотен лет различных цивилизаций, культур, наряду с просвещением, образованием, накопленной мудростью, к чему в настоящее время добавился энтузиазм, поддерживаемый оптимизмом, который старушка Европа (не говоря уже о Сербии) давно растеряла.

Баку справедливо называют городом ветров. Они могут быть каспийскими, кавказскими, пустынными, хазарскими — не важно. Поверьте мне, ветер в городе такой сильный, что прическу делать просто бессмысленно, а иногда бывает просто трудно ходить. Просматривая фотографии, сделанные в Баку, я отметила, что ни на одной из них не видно моего лица, ветер скрывал его, растрепав волосы. Добавьте к этому постоянную дымку из-за высокой влажности — следствие близости моря и озер — и получите совершенно уникальный климат, который все же напоминает европейский.

В редкие моменты, когда ветер стихает, в воздухе появляется запах нефти.

Столица азари более, чем Белград, главный город Сербии,

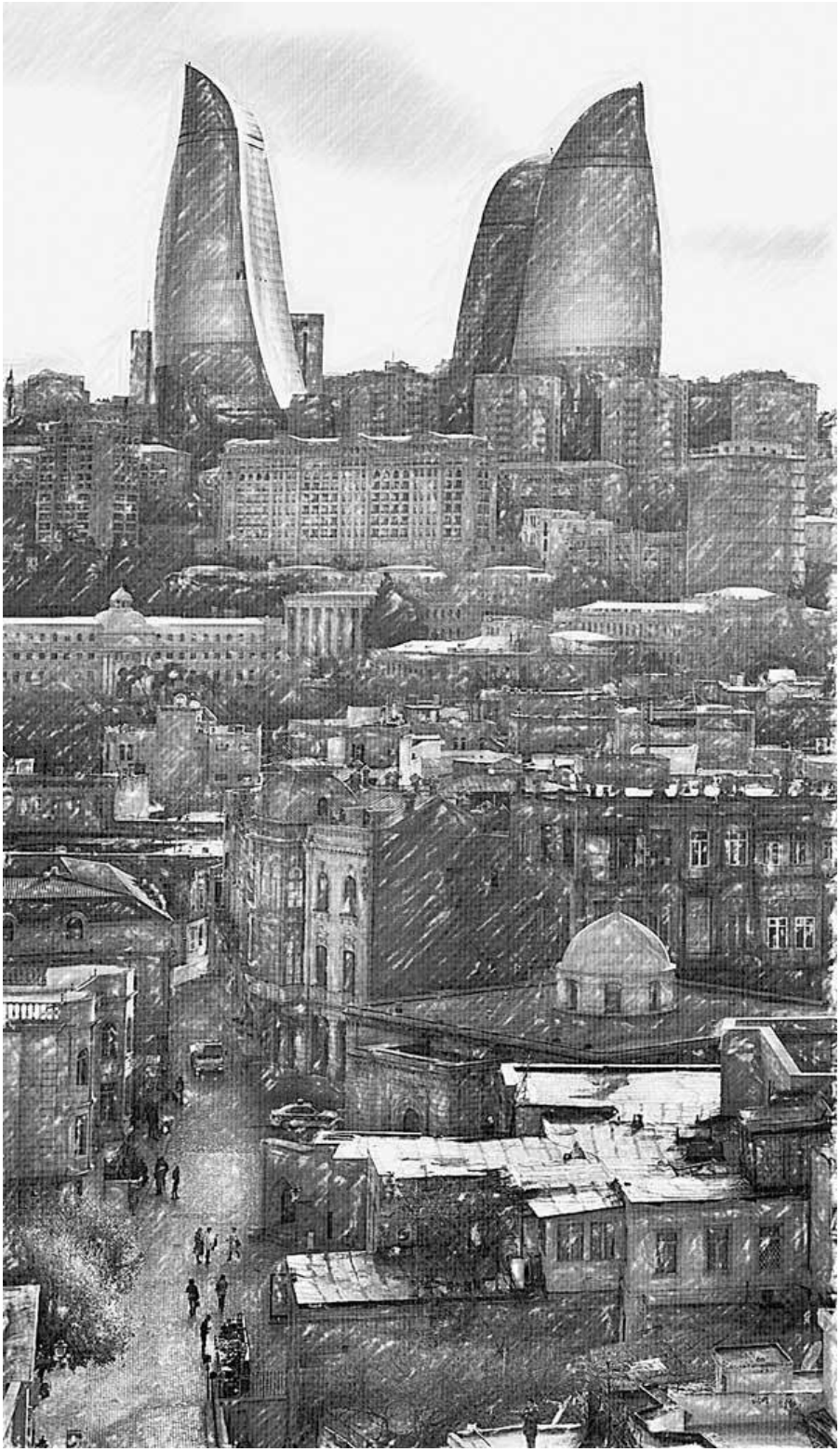
имеет право называться «белым городом». Чистый, светлый, аккуратный, красивый, яркий, веселый, пышно украшенный ночью, очень удобный для жизни, и это не преувеличение.

Много нефтяных денег было вложено в инфраструктуру, отделку зданий, в парки и ландшафтный дизайн, памятники, установку мусорных баков, в новые дороги и организацию движения… однако в первую очередь в красоту города. Если суммировать мои впечатления от Баку и той части страны, которую мне довелось увидеть, я бы сказала, что эта страна, которая лелеет и активно восстанавливает культурное наследие, старается приумножить и сохранить красоту.

Педантичные азари, похожие этим чем-то на швейцарцев, хотят быть лучшими и быстро догоняют самые развитые страны. В них нет заносчивости старых и новых русских, американской черствости, европейской скучности, арабского желания блистать и сербского самомнения. Они осознают, какова площадь их небольшой страны, не избавились от комплексов, свойственных нациям, прожившим столетия в условиях оккупации, но они в высшей степени дисциплинированы в деле повышения собственного рейтинга. Они понимают, что просто так ничего не упадет им в руки, хотя нефть здесь бьет прямо из земли. Везде.

* * *

Ни о чем этом я, естественно, не знала, когда мы приземлились в аэропорту Баку поздно вечером после растянувшегося на весь день перелета. Несмотря на усталость и трехчасовую разницу во времени, я была смущена, когда встречавший нас микроавтобус, в который мы попали сразу из салона бизнес-класса, провез нас мимо здания аэропорта и остановился у прекрасного дворца с кроваво-красной дорожкой на главной лестнице. Внутри — мрамор, светящиеся люстры, массивные колонны, зеркала, кресла в стиле барокко. Я решила, что этот отель просто расположен близко к аэропорту (впрочем, как-то слишком близко), и была удивлена, что «администраторы» в форме попросили у нас паспорта и предложили чай в хрустальных стаканчиках. Странным было и то, что по ленте в нутро механизма для досмотра заезжал наш багаж и появлялся с другой стороны, где был «выход» из отеля; будто наши чемоданы собирались выносить на улицу, а не поднимать в номера. Моя поездка в Азербайджан была полна таких неожиданностей, неоправдавшихся ошибочных ожиданий, развеивавших личные предрассудки, что часто случается в путешествиях.



Разумеется, это был не отель, а здание на территории аэропорта для встречи почетных гостей. После прохождения самой приятной процедуры паспортного контроля в моей жизни мы могли отправляться в Баку вместе с нашим сопровождающим из Министерства внутренних дел. Роскошный микроавтобус, которому в некоторой степени суждено было стать моим домом на время поездки, двинулся в темноту наступающей ночи.

Я ожидала увидеть блеклый, невзрачный восточный пейзаж с социалистическим налетом, а передо мной была настоящая столица в свете переливающихся огней. Мне никогда не доводилось видеть столько типов подсветки сразу: особняки, высотки, парки, фонтаны, дороги, башни, перекрестки — все вокруг купалось в ярком свете причудливых декоративных ламп, фонарей, лазерного сияния, прожекторов, светодиодных гирлянд… Три небоскреба разной высоты — символ современного Баку — со стеклянными фасадами казались сделанными из ярких лампочек. Даже у полицейских на дорогах были светящиеся жезлы, которые мне удалось разглядеть, когда мы оказались в пробке. Прибытие участников и зрителей «Евровидения» стало причиной городских заторов, перекрытых улиц, объездов и ограничительных знаков. Настоящий ночной коллапс! Истошно сигналили дорогие автомобили, полицейские кричали что-то в громкоговорители, наш водитель вилял то вправо, то влево по улице с односторонним движением, пытаясь скорее доставить нас к отелю, который был уже виден, но все же недосягаем. Удивительно, в XXI веке проделать путь из пункта А в пункт Б — по земле, воздуху или морю — невыполнимая миссия. Даже человек не может повлиять на пробки, вызванные скоростью и обстоятельствами. Наконец мы на месте. Отель «Лэндмарк». Все здесь не вполне привычно. Стойка администратора находится почти под небом, на 19-м этаже, мой номер — на 16-м, спа-салон — на 9-м, ресторан — на 20-м, а конгресс-центр — на 4-м этаже под землей!

Войдя в просторный номер со стенами из стекла, я поразилась завораживающему виду на море: утопающие в огнях улицы и красиво подсвеченная жемчужина архитектуры — Хрустальный дворец. Прожекторы на крыше были такими мощными, что казалось, освещали космос. Их скрещенные лучи исполняли мистический танец светящихся призраков.

Я была в центре города ветров, расположенного на земле огня.

Символ Азербайджана — бута. Пламя. Суть огня. Бута

кажется мне огненной слезой. Ее можно увидеть здесь почти во всех орнаментах. На кашемировых тканях. Эта пухлая запятая везде там, где есть вращение.

В культурном наследии азари нет цветастости, все сдержанно, элегантно, эстетично, утонченно.

Таков и еще один символ Баку — Девичья башня, что высится у входа в Старый город. Бросающаяся в глаза архитектурная шероховатость — простота и мистическая сила формы. Башня напомнила мне строения Микены. Все самое старое в Азербайджане заставляло меня вспоминать о городе Микены. Строгость форм, традиции строительства, фундаменты из камней, дух чего-то древнего, почитающего все четыре стихии — землю, воду, воздух и огонь. Для азари существует и пятый элемент — симбиоз природы и культурного наследия.

Наша сопровождающая, Джинай, чье имя я все время забывала и называла ее Ангелина, общалась с нами на русском, английском, ломаном сербском и называла меня «фрау Михайлович». Возможно, причина в том, что она недавно вернулась из Германии, из Бонна, где работала на дипломатическом посту. Итак, наша сербская де легация состояла из четырех женщин, Ангелина была пятой, и, конечно, водителя микроавтобуса. По азербайджанской традиции ко мне должны были обращаться Ясмин-ханум, но победила европейская, и я стала фрау Михайлович, которая приехала за хазарскими камушками. Мое имя — Ясмина — хорошо понятно в арабском мире, поскольку принадлежит именно ему. В Азербайджане, где перемешаны турецкие и славянские имена, оно звучит несколько экзотично.

* * *

Старый город Баку — местные жители называют его просто крепость — с его улочками и переулками, стенами, древними и современными памятниками, особняками, башнями и массивными воротами, мечетями, базарами — не имеет ничего общего с арабским Востоком. Старый город отреставрировали, обновили, навели лоск, осветили (как и современный Баку), и в нем воцарилась приятная атмосфера благородной старины. Какой? Отовсюду понемногу: ислам, Турция, юг Кавказа, Балканы, Родос, Мальта, возможно, Грузия и Армения… Местами он напомнил мне Канны и Ниццу, Баден-Баден… Культурная и архитектурная синергия.

Нас разместили в тихом салоне электромобиля, прибывший

директор Дворца Ширваншахов должен был показать нам Старый город, и мы начали свое путешествие — Девичья башня, старый базар с его археологическими находками, Дворец Ширваншахов, турецкие бани, караван-сараи, Музей нумизматики, колонки с водой, площади и, разумеется, фонтаны. Дорогими коврами были щедро завешаны заборы, они болтались на дверях или просто лежали на улице у входа в магазины. Азербайджанские ковры — национальная ценность, в стране существует даже Министерство ковров, которое, помимо всего прочего, выдает сертификат на каждый приобретенный ковер.

У меня есть два качества, которые я беру с собой в каждую официальную поездку: я не люблю гидов и ненавижу делать фотографии. Я неудобный турист. Хуже всего то, что на этот раз нас принимали как дорогих гостей правительства, отчего сопровождающие и экскурсоводы были особенно внимательны. В музеях нас встречали только директора! И этому не было конца. Такое положение дел усугублялось еще и тем, что мы многое знали о ханах, медресе, мечетях, сералях, турецких банях, турецких фонтанах и прочее, прочее, прочее… хорошо разбирались в темах, связанных с социализмом, СССР, Россией и прочее, прочее, прочее… Это добавляло нам привлекательности в глазах принимающей стороны, мы оказались неожиданно хорошо осведомленными почетными гостями «Евровидения» и Евразии.

Ветер дул яростно (по меркам Баку умеренно!), я разглядывала кошек на каменных порогах, хазарские туфли (с загнутыми вверх носами и вышивкой), толпы гостей «Евровидения», удивительные фасады зданий, балконы с кованой оградой, деревянные террасы, маленькие книжные магазинчики, фисташковые деревья в цвету — и все это из окна электромобиля. К сожалению, хождение пешком в Баку ограничивалось лишь расстоянием от транспортного средства А до Б, от входа В до Г. Уже позже выяснилось, что меры предосторожности соблюдались отнюдь не без оснований.

В ресторане национальной кухни с огромным камином, изрыгающим потоки пламени, нас встречали женщины в традиционных костюмах с кругом плоского хлеба и сыром из козьего молока. Азари исключительно гостеприимны и приветливы. За последние несколько лет я не раз становилась тому свидетелем во время визитов в посольство Азербайджана в Белграде, но только в Баку поняла, что столь благородные манеры являются национальной традицией. Посольство Сербии в Баку расположено в элегантном трехэтажном особняке в Старом городе, и я была горда и рада видеть, как наш флаг развевается над центром столицы. Я упомянула о флаге, поскольку у азари

культ своего флага почти такой же, как у американцев.

На каждом шагу вы увидите полотнища всех размеров, реющие в разных местах. Самый высокий флагшток установлен в порту Баку, рядом с Хрустальным дворцом. Поскольку в городе всегда бушует ветер, колышущийся флаг издает звуки, похожие на раскаты грома.

Есть и еще несколько вещей, которыми азари одержимы в равной степени.

Фонтаны, парки, памятники и мемориалы. Их очень много, и почти все они стали городскими достопримечательностями. На площади перед посольством Сербии установлен монумент одному из поэтов. Гигантская голова с вплетенными в пряди волос изображениями героев его книг. Недалеко расположено еще одно впечатляющее здание — Музей литературы, одно из красивейших строений в Баку. Здесь теперь хранится копия рукописи «Хазарского словаря».

Баку — город, расположенный на некотором возвышении и имеет форму амфитеатра. Самое приятное в этом, что из Старого города можно видеть одновременно море с одной стороны и современный город в перспективе с другой — три этапа, три ступени изменения архитектуры: Старый город, современный и суперсовременные небоскребы. При этом все находится в гармонии с исторической точки зрения и прекрасно вписывается в природный ландшафт. Ничто не выбивается из общей картины, не режет глаз; все выдержанно и красиво.

Что принесет городу будущее, мне не известно. От фантастических проектов, о которых можно узнать на сайте, захватывает дух. Местные жители утверждают, что будущее уже наступило, если они месяц не бывают в какой-то части города, то потом узнают ее с трудом. Так быстро происходят преобразования.

В Баку я почти не следила за событиями на конкурсе «Евровидение», но стала свидетелем расцвета города, переживающего золотую эпоху. Это самый большой подарок, который может получить путешественник.

Но главные подарки были еще впереди…

С географическо-геологическо-климатической точки зрения Азербайджан сумасшедший! Из одиннадцати климатических зон девять присутствуют на этой относительно небольшой территории!!! Баку и его окрестности, а также Каспийское-Хазарское море расположены на 27 метров ниже уровня Мирового океана, в то время как самый высокий пик Кавказских гор в Азербайджане — 4400 метров! Здесь можно увидеть полупустыни,

пастбища, озера, реки, где вода порой преодолевает преграды из множества валунов и камней, пляжи, вулканы, березовые рощи, национальные парки гигантских размеров, обнаружить вещи эпохи палеолита, термальные источники, широкий выбор масла, здесь водится множество растений и животных-эндемиков. Рай и ад соединились в одном месте! Самое сильное впечатление на меня произвело все, что связано с камнями, горами, скалами. В Азербайджане есть возможность соприкоснуться с древнейшими образованиями на планете.

В поездку я отправлялась с мыслью привезти Павичу камушки из Хазарии, хотя это всего лишь топоним, но Хазарское море все еще хранит воспоминания о живших здесь когда-то хазарах, прикасавшихся к этим камням, покоящимся здесь со времен зарождения планеты и цивилизации. Перед путешествием я думала о концертах на конкурсе «Евровидение», а, приехав, испытала геологический шок.

Страну можно понять, прикоснувшись к земле! А мы часто упускаем это из виду.

Ландшафт и Соблазнительный ад

Гобустан — это довольно большая по площади территория недалеко от Баку. Наследие под охраной ЮНЕСКО. Культурное и геологическое. Это область сюрреалистических чужеродных скал, пустынь, дивных горных равнин, грязевых вулканов и тысяч наскальных изображений, сделанных людьми доисторической эпохи. От этого музея под открытым небом у меня перехватило дыхание. Я и представить не могла, что красота природы и произведения искусства первых жителей планеты могут быть собраны в одном месте. Более 6 тысяч петроглифов свидетельствовали о том, что люди здесь жили от 5 до 40 тысяч лет назад!!!

Мне кажется странным, почему средства массовой информации бомбят нас рассказами только о Древнем Египте, майя, инках и нескольких мумиях, в то время как существует Гобустан — кладезь сокровищ древней эпохи, о которых мы ничего не знаем!

Дорога из Баку в Гобустан пролегает по берегу Каспийского — Хазарского — моря. Если ехать из столицы на юг, то пейзаж вскоре становится пустынным. Со стороны поверхность серебристо-белой, местами серой почвы по текстуре напоминает шелк. Когда-то она была дном Каспийского моря, а теперь стала берегом. За миллионы лет море не раз отступало и возвращалось,

было соленым и пресным, поэтому его часто называют Каспийским озером. Очень много нефтяных вышек, похожих на сербские колодцы-журавли. Они напоминали мне огромных птиц, которые все время наклоняются и клюют нефть.

Только в Азербайджане я поняла, почему символом компании «Шелл Ойл» стала веерообразная раковина. Нефть образуется из древесных или ракушечных окаменелостей. Нефть, добываемая азари на земле и в море, ракушечного происхождения! Живых моллюсков в раковинах приятно есть, потом они заболевают и дают нам жемчуг, потом умирают и производят черное золото! Какое удивительное существо живет за стенками этой ракушки! Оно способно сделать нам так много подарков, даже изменяясь со временем.

На берегах и пляжах Каспийского моря нет ни одной песчинки! Все, на что вы ступаете, — это ракушки. Азербайджанская нефть, полученная на земле и в море, образована из раковин, которые умерли уже очень давно. Наша сопровождающая Ангелина рассказала, что в Баку издавна существует Академия нефти. Я сделала чисто женское предположение, что они могли бы открыть нефтяной спа-салон, на что Ангелина лишь хитро улыбнулась. Уже на следующий день каждая из нас получила от нее набор косметики «Хазар», в состав которой входит нефть, вулканическая грязь и растертые в порошок раковины! Крем для лица и маска, скраб для тела, пена для ванны — все сделано в Азербайджане.

Гобустан в переводе означает «край оврагов». Однако, буквально ниоткуда, перед нами внезапно появились два протяженных плато, похожие на космические платформы. Их поверхность переливалась на солнце, наверное, так выглядят площадки для приземления НЛО. В тот же момент мы ощутили давление на уши, как бывает при взлете или посадке, хотя по-прежнему находились на земле, уровень которой в Азербайджане, как известно, ниже уровня моря. Каспийское море находится на 27 метров ниже Мирового океана.

Я подумала, раз бывает зрительный мираж, вероятно, возможен и аудиогравитационный. Перед нами был Гобустан. Место, где жила огромная и мудрая цивилизация. Наверное, она воздействовала на нас из глубины веков…

Гобустан — район ценнейших геологических экспонатов. Пещеры, скалы, хранящие петроглифы древних эпох, устоявшие перед воздействием сухих ветров, эрозии и палящего солнца. Суровый, из-за климатических условий, пейзаж в сочетании с рисунками людей доисторического периода — то, что мы

называем Гобустаном, — весьма упрощенные изображения лодок, животных, на которых они охотились, себя и сородичей позволяет увидевшим эти мегалитические сооружения испытать чувство вселенской уникальности.

Восхищение, испытанное мной в Гобустане, нельзя сравнить ни с чем.

На Земле не так много мест, где можно ощутить гармоничное единение природы и творчества человека, жившего к тому же много тысяч лет назад.

Кроме того, у меня появилась уверенность, что история этого региона неким образом все же связана с инопланетными существами.

Директор музея под открытым небом, охраняемого ЮНЕСКО, невероятно светлая и преданная делу женщина, показалась мне современной жрицей этого храма. Хранительницей духа прошлого, властительницей современного Гобустана. Ее зовут Малахат Фараджева. Вслушайтесь, какое имя!

Должна напомнить, что официальная делегация Сербии, прибывшая по приглашению правительства Азербайджана на конкурс «Евровидение», состояла из нескольких женщин. Во время всего пребывания в стране мы перемещались на небольшом, но очень комфортабельном микроавтобусе, которым управлял, естественно, мужчина, и меня всякий раз удивляло, как ему удается беспрепятственно миновать кордоны и ограждения, вполне уместные для города, в котором проходит столь значимое и крупное событие. Нам были открыты все дороги. Мы посмеивались, говоря, что все дело в номерном знаке «ПА»[1], ведь для людей из Панчево, славившихся отвратительной манерой езды, открыты все пути, даже в Азербайджане, их не останавливает даже полиция. Когда мы посвятили в тонкости своей шутки нашу Ангелину, она посмотрела на нас очень серьезно и объяснила, что буквы «П» и «А» означают президентский аппарат, таких автобусов в стране всего три. Думаю, до того момента мы не вполне осознавали уровень, на котором нас принимали, все казалось легким и простым, впрочем, порой и сложным, ведь мы не могли выйти без охраны в магазин или ресторан, даже просто подойти к банкомату… Я вспомнила об автобусе, потому что он один из главных героев истории о Гобустане, и выход его на сцену еще впереди, на извилистой дороге. А пока все по порядку.

Директор заповедника Малахат-ханум, как официально обращаются к ней азари, знала немало легенд об этом крае, порой сомнительных с точки зрения правдивости. Впервые в жизни я столкнулась с тем, что человек науки, прекрасно

знающий историю и археологию, — а знания госпожи Фараджевой восхищали и не вызывали сомнений, — позволял себе вольность приводить почти художественную интерпретацию событий. Ее рассказ изобиловал фактами вперемешку со сказаниями, грань между наукой и художественным вымыслом была столь тонка, что почти незаметна, а порой рассуждения велись на грани метафизики.

Мы, словно овцы за вожаком, проследовали за Малахат-ханум в главную пещеру, где сохранилось такое количество наскальных рисунков, нанесенных следующим слоем, поверх предыдущего, что можно было начать игру «найди быка в животе рыбы», отыскать изображение жителя Гобустана в космическом скафандре, полюбоваться формой лодки, неизвестной другим цивилизациям, найти целое стадо оленей… Главная пещера, называемая Азых, имеет вход в форме вульвы. Я тайком собрала несколько камешков для Павича и спрятала их в сумку, боясь, что следующий за нами охранник расстроит мои планы. Мне вряд ли удалось бы объяснить ему, что моя страсть к азербайджанским камням никак не связана с прихотью восторженного туриста или коллекционера-любителя, это, скорее, внутренняя потребность. Дань литературе и любви. Я собирала камушки, чтобы захоронить их рядом с прахом мужа в другом месте, также связанном с камнями — Ташмайдане в Белграде.

Мы брели по узкой тропе по выжженной местности, ставшей свидетельницей множества природных катаклизмов, за нами семенили довольно крупные кавказские ящерицы, а госпожа Малахат рассказывала о некогда пышной растительности и разнообразной фауне региона Каспийского-Хазарского моря, существовавшего миллионы лет; и у меня начинала кружиться голова, стоило попытаться представить этот отрезок времени, кайнозойскую эру в повествовании сменяла мезозойская, а ее — эпоха палеозоя, и все это казалось легким и естественным, словно мы смотрели увлекательный фильм по телевизору, а не ступали своими собственными ногами по земле, состоящей из множества энергетических наслоений.

Прервав рассказ, наша сопровождающая остановилась, заметив, что мы не в восторге от компании кавказских ящерок, и сказала:

— В первые дни моей работы в Гобустане, когда я почти ничего не знала об этом крае, со мной произошла удивительная история. В знойный полдень я заметила на одном из камней что-то блестящее. Это нечто было большого размера и переливалось, как искусно ограненный бриллиант. Подойдя ближе, я увидела змею, греющуюся на солнце. Пораженная, я замерла. Змея

наблюдала за мной. Нет, я не испугалась… Напротив. Змея очаровала меня своей красотой, я буквально влюбилась в нее!

Мы молча слушали госпожу директора, изумленные и шокированные, словно сама змея рассказывала эту историю.

— Потом я загадала желание. Очень смелое и важное желание!

— И?.. — хором спросили мы.

— И оно сбылось!

Полагаю, каждая из нас спешно пыталась представить, что это было за важное желание: великая любовь, замужество, дети, докторская степень, международная слава, космическое путешествие, жизнь в раю…

— Я пожелала, чтобы Гобустан получил защиту ЮНЕСКО, и через десять лет моей кропотливой работы оно сбылось!

Мои дорогие читатели, я долго и упорно думала, какие слова должна произнести в этот момент моего путешествия? Я живу в стране, где два музея, оба находящиеся в столице — Национальный музей и Музей современного искусства, — были закрыты на протяжении десяти лет; я вдова писателя, чьи произведения переведены на 36 языков, но только в своей стране я не могу добиться посмертного издания его «Хазарского словаря», хотя это возможно на других континентах и языках. Полагаю, любые слова будут лишними… Мы знаем, как далеко удалось продвинуться Сербии, перепрыгивающей через три ступеньки за шаг. Каждый день! Хочу лишь перечислить, какие достопримечательности в Сербии находятся под охраной ЮНЕСКО. Я специально поинтересовалась, как только вернулась домой: Гамзиград — Ромулиана (с 2007 года), средневековые памятники в Косово (с 2004 года), монастырь Студеница (с 1986 года), Стари-Рас и Сопочаны (с 1979 года).

Было бы замечательно основать учреждение, охраняющее достояние нации от нее самой. Бедные хазары исчезли по той же причине. Им не удалось сохранить самих себя. Не осталось никаких следов их существования: зданий, рукописей, писем, захоронений… «Они канули в бездну». Возможно, в этом есть смысл, раз Каспийское море на языке азари — Хазарское море.

Но вернемся к нашей главной героине. Госпожа Малахат — дама средних лет, у нее есть семья, она сделала прекрасную научную карьеру, это сердечная и веселая женщина, гордящаяся тем, что после того, как ее заветное желание сбылось, ей удается поддерживать статус, данный ЮНЕСКО. Ведь важно не только получить что-то, но и уметь сохранить.

На самом деле Гобустан является какой-то странной скалистой пустыней, расположенной на плато. Рядом с большой

стоянкой для машин растет одинокое дерево. Мы сели на скамейку в его тени, и директор попросила охранников собрать для нас немного шелковицы.

Оказалось, мы сидим под гигантским тутовым деревом. Атласно-белые ягоды, невероятно сладкие, я не ела их с детства, и они наполнили меня теплом. Я здесь, за тысячи километров от дома, в месте, хранящем древнюю историю, однако волшебный вкус вернул меня в детство. Госпожа Малахат рассказывает нам о ягодах, Шелковом пути, который, как известно, проходил по территории Азербайджана, об уфологах, наведывающихся в Гобустан наряду с обычными туристами, о четырех человеческих скелетах, недавно обнаруженных в этой земле, возраст которых еще не удалось установить, об археологических работах, которые ведутся в Каспийско-Кавказском регионе. Внезапно она заявляет:

— А теперь, дамы, я отправлюсь в музей, открывшийся несколько месяцев назад, а вы поезжайте на автобусе, но знайте: после того как вы съели шелковицу, вы навсегда связаны с Гобустаном. Частички ваших душ попали в ловушку!

Мы рассмеялись, очарованные этим посвящением шелковицей, директор быстро и легко пошла к входу в здание, а мы лениво поплелись к автобусу.

Но… водитель не смог открыть дверь суперсовременного президентского автобуса! Он испробовал все способы, тянул, дергал, даже применил отвертку — дверь не поддавалась. Подоспели охранники — все четверо, — засуетились, но безрезультатно. Мы оказались в ловушке! Подействовала метафизика посвящения. Наконец самый худой из мужчин смог открыть окно, разблокировать дверь и открыть ее изнутри.

Ни у кого из нас не хватало мужества забраться в автобус. Мы все думали об одном и том же. Что же будет, если мы потом не сможем выйти? Ведь вечером нас ждал концерт на «Евровидении», Хрустальный дворец, роскошь, элегантные платья, места в ложе!..

После смерти мужа я уже ощущала себя наполовину хазаркой (но вторая половина во мне сербская), поэтому смело прошла к автобусу, уверенная, что дверь будет отлично работать, как только мы покинем этот загадочный край, где властвует дух древнего человека, силу которого пока никому не удалось измерить, и решительно ступила внутрь. Я подумала, что все, чему суждено было произойти, уже случилось.

Так и вышло. Перед музеем дверь автобуса отворилась без всяких осложнений и более не создавала нам проблем. Мы очутились в суперсовременном интерактивном музее, который больше бы подошел Парижу, и директор, оказавшись в

совершенно другой атмосфере, разительно изменилась, стала по-деловому серьезной, четкой в выражениях, профессионально-сосредоточенной. Как я и говорила, все, что должно было, уже произошло.

На обратном пути в Баку мы опять испытали давление на уши, как в самолете при взлете и посадке. В теле появилась легкость и небольшая дрожь. Частоты Гобустана воздействовали на нас на сенсорном уровне.

Я не могла дождаться момента, когда окажусь в своем номере, брошусь на кровать и забуду хоть ненадолго о Гобустане, его призраках прошлого и смогу освободить в душе немного места для восторга от мероприятия, которое мне предстоит посетить вечером, — конкурса «Евровидение». Однако этому не суждено было случиться. В номере я нашла записку:

«Мадам, икра в холодильнике, а остальные подарки от Фонда Алиева перед Вами».

Я огляделась. На кровати сложены стопкой обитые бархатом коробочки, на полу сумка с ковром невероятной красоты.

Я опустилась на кровать и расплакалась.

Кто же, скажите на милость, они такие, эти азербайджанцы, и чем я могла все это заслужить?!

Ковер как охраняемое достояние

Итак, я сидела в номере отеля «Лэндмарк» в Баку, на берегу Хазарского моря, и плакала. Рядом лежали подарки от Азербайджана: банки с икрой, хрустальные стаканчики для чая на позолоченных блюдечках, серебряный поднос с орнаментом, похожим на языки пламени — символ огненной земли азари. И уникальный, баснословно дорогой ковер.

— Кто же, скажите на милость, они такие, эти азербайджанцы, и чем я могла все это заслужить?! — опять спросила я себя.

Несмотря на слезы, во мне укрепилась четкая уверенность, что дары эти я должна лишь передать, они предназначались Сербии, Милораду Павичу и «Хазарскому словарю». Осознание стало для меня тяжелым грузом, который непросто вынести.

Я достала ковер из специальной кожаной сумки. Он был завернут в тонкую шуршащую бумагу, к которой была прикреплена визитная карточка. На белоснежной бумаге золотом было выведено всего два слова: Мехрибан Алиева. Первая леди

страны. Величественная красавица. Моя таинственная благодетельница.

Я расстелила ковер на широкой кровати, на которой спала восемь ночей, проведенных в этой удивительной стране. Азербайджан. Хазария. Одна. Без мужа. Без Милорада Павича. Он лежал в своей сербской могиле в Белграде, навеки скрытый от моего взора невидимой пеленой. Он получил возможность быть с народом, его «другое тело» — памятник на Ташмайдан, установленный азари или хазарами, и теперь любой ребенок может к нему прикоснуться. Родители поднимают детей, и они встают на пьедестал, касаясь коленями его золотых ботинок… Сейчас, после смерти, Павич больше времени посвящает общественной работе, чем при жизни. К нему может прикоснуться каждый, может сделать снимок, памятник стал доступным для людей, осязаемым.

Он принадлежит всем и никому. Я немного завидую посмертной жизни Павича, той общественной деятельности, которую он ведет ежедневно в самом центре Белграда.

Азербайджанцы считают ковроткачество своим достоянием, настолько ценным культурным наследием, что даже создали, как я упоминала, Министерство ковров! Поскольку в каждом регионе свои особенности и стили, узоры и орнаменты, цвета и материалы, покупая ковер, вы получаете своего рода паспорт изделия, где перечислены все его характеристики.

В Азербайджане особенно бережно относятся к этому искусству.

Мой ковер был из Губинского района, расположенного в предгорье, где Азербайджан граничит с Россией. Согласно картам VIII века, предположительно именно здесь находился Хазарский каганат. Примерно в это время государство исчезло со сцены истории, не оставив никаких следов, никаких значимых доказательств своего существования.

Вот что пишет Павич в «Хазарском словаре»:

«Событие, о котором идет речь в этом словаре, произошло, видимо, в VIII или в IX веке нашей эры (возможно, было несколько подобных событий), обычно называемого учеными „хазарской полемикой“. Хазары, независимое и могущественное племя, воинственный кочевой народ, появившийся с Востока в неизвестный период, гонимый убийственной тишиной, обосновался с VII по X век на территории суши между двумя морями — Каспийским и Черным…

Хазары и Хазарское государство исчезли с исторической

сцены после события, о котором, главным образом, и идет речь в этой книге — после перехода от их первоначальной и неизвестной нам веры в одну (опять же, неизвестно какую) из религий — иудейскую, исламскую или христианскую. Вскоре после этого, как считается, произошел распад Хазарской империи».

В Губинском районе, на склоне Кавказского хребта, есть село Хыналыг, около двух тысяч жителей которого говорят на совершенно неизвестном языке. Они живут в полной изоляции и соблюдают свои обычаи. Никто не знает, кто они, откуда пришли и на каком языке говорят. Я подозреваю, что именно эти люди — потомки древних хазар.

Вероятно, косвенно принимающие меня здесь президент Алиев и его Мехрибан, хотели мне на это намекнуть, подарив ковер. С помощью тканых узоров, цвета, орнамента он говорил со мной на утраченном языке хазар. Ковер не раскрывал тайны исчезнувшего народа. Не давал ответов. Он предлагал проявить фантазию.

Ни я, ни Павич не знали, что в Азербайджане Каспийское море называют Хазарским; не знали, как много здесь хазарского; мы понятия не имели, что известного писателя здесь зовут Мирза Хазар! И что он курит трубку!

В настоящее время ковер находится в кабинете Павича в Белграде. Лежит прямо рядом с его столом. Мне хочется верить, что я привезла мужу, которого буду любить вечно, подарок из Хазарии. Я ехала только за камушками, а вернулась с роскошным ковром, сотканным неизвестным народом, затерянным в горах Кавказа.

Возможно, через несколько лет я захочу провести отпуск на берегах Каспийского моря на курорте Хазар недалеко от Баку. Адрес официального сайта Павича www.khazars.com. В некотором смысле я всегда буду в Азербайджане как дома.

Когда Павич умер, я неожиданно для себя осталась без всех моих самых близких друзей. За 24 часа жизнь, казавшаяся бурным потоком, превратилась в безмолвное небытие. Год я провела одна в квартире, в которой перестал звонить телефон, мне не приходили письма, все внешние проявления сострадания прекратились, наступила пора одиночества. У меня был аквариум с двумя золотыми рыбками, но рыбы созданы так, что не могут говорить.

Я была похоронена заживо.

Никто из тех, кого я просила о помощи, не откликнулся.

Люди исчезли из моего поля зрения отчасти из-за несчастья, отчасти из эгоизма, но в значительной степени из зависти, которую когда-то испытывали.

Единственным способом общения — хоть и не вербальным — стала для меня переписка по электронной почте с издателями произведений Павича по всему миру, они отправляли мне письма на всех языках.

Одинока я была только в Сербии, в Белграде, в своем доме. Павича не замечали, будто он никогда и не существовал, по крайней мере, в своей родной стране. Я не преувеличиваю, когда пишу эти строки. Пожалуй, даже лояльна к тем проявлениям грубости, с которыми столкнулась. Сербия внезапно и навсегда забыла его талант, успех, отличные качества личности, чуждость условностям, трудолюбие, правдивость и неординарность.

За три года мне удалось опубликовать более сорока книг Павича на всех континентах. После его ухода произведения его читали на корейском, русском, турецком, индонезийском, словацком, английском, грузинском, монгольском, китайском, французском… Пьесы его ставили на румынском и польском, в Москве, в Приедоре.

И у меня ушло ровно три года, чтобы добиться издания «Хазарского словаря» в Сербии, на родном языке. Я была на пределе сил, когда наконец вышла книга, изданная на 36 языках в 95 изданиях. Такова суровая реальность.

Все и везде давалось легко, за исключением Сербии. Я побывала во многих странах, ездила по всему миру, читала лекции о творчестве Павича в разных академических учреждениях, имела возможность разговаривать с людьми.

Это страшно, ужасно, невероятно, но горькая правда в том, что только за пределами Сербии я чувствовала себя человеком. И женой Милорада Павича. Все за пределами родной страны помогали мне защитить литературное наследие от самой Сербии!

Когда я пишу эти строки, ситуация значительно изменилась благодаря проделанному мной сизифову труду ради спасения того, что должны беречь прежде всего окружающие, а не я. Я пишу об этом, чтобы мы, сербы, помнили, какими должны стать в XXI веке. Дело не в одном конкретном писателе, его книгах и его вдове, а в самой Сербии. Страна ступила на путь самоуничтожения и до сих пор все делает для достижения конечной цели!

* * *

Мглу сумасшедшей и самой черной ночи в моей жизни, в которой я провела два года, рассеяли именно хазары! С того момента, как на пороге моего дома появился посол Азербайджана господин Гасанов, сообщивший, что на площади Ташмайдан установят памятник Павичу, события стали развиваться со скоростью света.

С того момента мое существование шло словно в двух параллельных реальностях. В Сербии, в институтах, ассоциациях, в кабинетах клерков, во время редких встреч с интеллектуальной элитой я чувствовала себя униженной, отвергнутой, выдворенной в коридор, изолированной, осмеянной, нежеланной, будто меня предали и намеренно плохо обходились… даже ругали.

Будем честными, ведь они отталкивали не только меня, Ясмину Михайлович. В моем лице они отвергали все, что связано с Милорадом Павичем. В стране, в которой я сейчас живу, успех не прощают ни при жизни, ни после кончины.

В то же время от посольства Азербайджана я получала приглашения на приемы и ужины, на могилу Павича в день рождения и годовщину смерти приносили венки, мне присылали корзины подарков, азари выпустили специальное издание «Хазарского словаря» с фотографиями памятника в парке, мне вручили медаль, на которой был изображен монумент, я была изнежена, избалована вниманием и, наконец, получила приглашение посетить Баку в качестве почетного гостя правительства, меня принимали со всеми почестями и даже подарили ковер. (Ни один из государственных институтов Сербии до сих пор не возложил даже цветка на могилу Павича или к его памятнику. Тем не менее это регулярно делают представители посольства Азербайджана, их торгово-промышленная палата строит с помощью присланных из страны рабочих дороги в Сербии! Приведу еще один факт, кажущийся в описанных обстоятельствах совершенно абсурдным: ежегодно, в день рождения Павича, делегация русских писателей и художников возлагает венки к его памятнику в центре Москвы, как и к памятникам других зарубежных писателей!)

Я не вижу способа достойным образом отблагодарить хазар за спасение моего внутреннего мира, как и за сохранение памяти о моем муже в его стране, в его родном городе! Хотя, кто знает, возможно, так было предначертано судьбой ему и мне? Кто знает? Я лишь могу утверждать, что чувствую каждой клеточкой, что ад и рай существуют здесь, в нашей жизни, прямо сейчас.

Я даже знаю, что бывает с человеком после смерти…

Отсутствующий флаг

Я любила конкурс «Евровидение» с детства. Обожала разглядывать участников конкурса в момент их выхода на сцену; они казались мне звездами на шуршащей оберточной бумаге, в которую заворачивают апельсины! (Мои юные читатели, вероятно, не представляют, о чем я, но у меня нет желания объяснять. Это уже история и момент моей личной жизни.) Когда я еще жила со своей семьей, мы с сестрой готовили списки стран-участниц, песен, отделяя специальную колонку для наших оценок. Позже, будучи замужем, я пыталась убедить мужей делать то же самое, но им было неинтересно голосовать, сидя в гостиной, ни один из них не понимал моего азарта в связи с предстоящим конкурсом. (Разумеется, ведь ярым болельщиком можно быть, только когда дело касается спорта!) Я ликовала, когда у зрителей появилась возможность голосовать, отправляя текстовое сообщение.

Однако мне никогда не приходило в голову, что я могла бы присутствовать в зале на этом песенном конкурсе, даже когда он проходил в моей стране, в Сербии. Не говоря уже о том, чтобы стать гостем «Евровидения» в Азербайджане, в Баку! К тому же еще в качестве почетного гостя!!! Жизнь действительно сумасшедшая штука.

Я тщательно берегла полученные три билета на «Евровидение-2012» в Баку, два на полуфиналы и один на заключительный концерт, и хранила их вместе с сертификатом на подаренный ковер. В большей степени они мне были дороги вовсе не в материальном смысле…

Если кто-то думает, что на «Евровидении» много гламура, он ошибается! Его еще больше! Столько блеска и роскоши я не видела никогда в жизни.

Хрустальный дворец, где проходил конкурс, расположен прямо на берегу моря. Его возвели в рекордные сроки. В темное время суток он производит неизгладимое впечатление, благодаря экстравагантной подсветке; направленные вверх лучи, кажется, достигают звезд.

Звук в зале, вмещающем более двадцати тысяч человек, поистине хрустально чистый. Даже мелодии, воспроизводимые обычным телефоном, имели такое звучание, которого не добиться на профессиональном записывающем оборудовании. Мое место было высоко, над самой президентской ложей, вид на зал был впечатляющим. Что сказать… Феерия звука, света и спецэффектов. На сцене вода и огонь. Безупречная работа беззвучных охранников. Около 800 человек были задействованы в

организации прохода и безопасности зрителей. Каждому приходилось пройти три контроля. Путь от стоянки до зала был довольно длинным, и для удобства вход был организован в нескольких местах. Билет на финальный концерт стоил 1000 евро, по крайней мере тот, что получила я. Он был именной, и мне надо было предъявить с ним паспорт. В свете моих новых знаний о террористической угрозе многие меры безопасности стали мне понятнее.

Все три концерта начинались в полночь, по причине трансляции в Европе. Заканчивались уже перед рассветом.

Мне жаль, что я не увидела салют: была в тот момент в зале. Баку и без того великолепно освещен в вечернее время: подсвечены небоскребы, башни, лазерные лучи разрезают небо, переливаются всеми цветами радуги музыкальные фонтаны; здесь применяются все новейшие технологии уличного освещения, оттого создается впечатление, что фейерверк в Баку никогда не заканчивается.

Мой номер был на 16-м этаже, и стена из стекла открывала вид на дворец, море и Пламенные башни. Я никогда не забуду этой феерии света, которой любовалась все восемь вечеров. В конкурсе «Евровидение» принимали участие большинство европейских стран. Теперь конкурсантов стало больше, в связи с объединением Европы число их стало множиться, это уже скорее не фестиваль, а коммерческое мероприятие.

Песенный конкурс напоминает Голливуд или Болливуд — фабрику, крупную корпорацию, управляемую англичанами. Разумеется, принимающая сторона также многое решает, певцы выступают под флагами разных стран, однако выбор формата вещания, организация, даже детали — все это в руках британцев. «Евровидение» — крупный британский проект. Фестиваль за плату.

За последние тридцать лет все в мире, в котором мы живем, перевернулось вверх дном. Мораль. Жизненные принципы. Ничто не осталось прежним, хотя старается таким казаться, притворяется, а мы, простые люди, предпочитаем верить тому, что видим. Верим тому, что происходит на сценах. Те, кто на них стоит, и правду реальны, но за кулисами, за их спинами стоят более влиятельные, ключевые фигуры.

Мое место на конкурсе было почти под небесами, весь зал раскинулся передо мной — сцена, проходы, публика, распорядители, участники… Надо признаться, что я чаще смотрела на гигантские экраны, чем на саму сцену. Каким-то образом зал стал примером нашей жизни в XXI веке с его изобилием возможностей и широким спектром выбора. Я

поглядывала на экраны, мониторы в ложе, следила, как бегают туда-сюда операторы (которых не увидеть во время телевизионной трансляции), как точны траектории их передвижения, благодаря которым у зрителей создается впечатление, что они являются участниками происходящего, краем глаза я видела и окружавших меня охранников (в этой части зала каждый шестой человек был с охраной), а еще фотографировала все, что попадало в поле зрения, размахивала флагом (к сожалению, азербайджанским, который мне выдали бесплатно; приобрести сербский флаг у меня не было возможности), конечно, просматривала результаты голосования и думала, что зрители у телевизоров следят за выступлениями внимательнее, чем я.

Но атмосфера, впечатления, когда наблюдаешь за действом вживую, безусловно, сильнее, они пьянящие, великолепные, их, как и саму жизнь, можно постигать лишь по крупицам, фрагментам, мгновениям.

Мы невероятно долго шли от стоянки машин до самого зала. Для этого необходима хорошая физическая подготовка, терпение, удобная обувь (!) и даже сэндвич, так, на всякий случай. Каждый из конкурсных вечеров забирает по меньшей мере пять часов времени (или предоставляет, в зависимости от того, как посмотреть). Возможно, это прозвучит несколько гротескно, но «Евровидение» — нечто среднее между представлением огромного масштаба и спортивно-гладиаторским зрелищем. Бессчетное количество рамок безопасности, через которые проходили гости в вечерних платьях, смокингах, на высоких каблуках, окруженные ореолом блеска золота, мерцания жемчуга, и миниатюрные сумочки их были досмотрены, а бутылки с водой конфискованы, как у простых граждан на самом рядовом мероприятии. Хуже того, самые важные гости должны были пройти дополнительный ряд проверок при входе в сам зал, где на красных ковровых дорожках, бок о бок с роскошными корзинами цветов, стояли металлоискатели и охранники с собаками. Там же, помимо билета на концерт, выписанного на мое имя, мне пришлось предъявить паспорт.

Казалось, при таком уровне адреналина и возбуждения от предстоящего шоу ничто и никто не мог испортить мне настроение, кроме, пожалуй, одной детали. На мысе, вдающемся в Каспийское-Хазарское море, где расположен дворец, установлен флагшток с флагом Азербайджана. Он один из крупнейших в мире. И флагшток, и сам флаг. Поскольку в Баку всегда дует вечер, полотнище издает оглушающие звуки, когда вы проходите мимо. Мне было очень стыдно за то, что у меня нет даже

крошечного сербского флага, я могла бы размахивать им во время концерта, и это давало бы мне ощущение полноты происходящего. Невозможность указать на свою национальную принадлежность до сих пор давит на меня изнутри, будто патриотическая кость в горле.

Поверьте, я пыталась найти хотя бы один флаг, даже спрашивала об этом посла во время визита в дипломатическую миссию в Баку, но безрезультатно. Люди совершенно ничего не понимают в распространении патриотической идеи, очень часто в самых важных ситуациях мы вообще об этом забываем. Наш представитель на конкурсе «Евровидение» занял третье место! Огромный успех для маленькой страны! Мне невыразимо больно, что я не могла помахать нашим трехцветным флагом, что было бы важно для Желько Йоксимовича, для всех нас и для меня самой. Я обращаюсь с просьбой к Министерству иностранных дел Сербии организовать продажу в стране дешевых флагов и значков, чтобы мы, простые люди, могли взять их с собой на значимые общественные и спортивные мероприятия. Подумайте о нас! Нас много, и мы патриоты своей страны. По правде говоря, мы домашние животные для этой страны. Мы со многим миримся и до сих пор любим ее. Наша любовь не очень велика, хотя и не мала. И для ее проявления нам нужны флаги.

Когда мне удастся купить сербский флаг в ближайшем киоске за 50 динаров, я поставлю его в вазу. Узкую, для одного цветка. Этот жест, я надеюсь, сможет успокоить чувства, которые я испытывала на «Евровидении» в Азербайджане, думая о том, что не могу держать в руке символ своей страны, ведь это был бы знак, что она суверенна и принадлежит к единой Европе.

Смерть или Двойное Возрождение?

Азербайджан — земля огня. Во всех национальных символах так или иначе присутствует силуэт пламени, гейзера, как и красные, бордовые или оранжевые цвета.

На побережье, недалеко от Баку, расположен Храм Огня, знаменитый Атешгях. Трудно описать это древнее, прокоптившееся за века место. Он не похож на те храмы, которые сохранились со времен Античности; в нем нет монументальности, причудливых колонн, ничего, что свидетельствовало бы о его притягательности для человека или его страхе перед этим местом. Нет! Храм Огня представляет собой плотно утоптанную земляную площадку, окруженную каменными стенами, в центре которой расположен главный алтарь, где постоянно горит

неугасаемый огонь. Уже много веков. Атешгях почитался зароастрийцами, народами Индии и Персии, как это ни странно может выглядеть с географической точки зрения.

Мне Храм Огня показался похожим на караван-сарай древних времен из-за множества комнат вдоль стен, служивших местом для молитвы, приютом для паломников и укрытием для отдыха огнепоклонников. Величественность храма именно в его простоте, он демонстрирует, что предмет истинного преклонения находится в чреве матери-земли, призывает к скромности, которая должна быть в отношениях человека и планеты, природы, обладающей абсолютной силой, непредсказуемой в своих проявлениях.

Признаться, до визита в Азербайджан я часто задавалась вопросом: почему люди здесь так любят фонтаны? Зачем они постоянно открывают новые, придумывая затейливые композиции, где танец воды часто сопровождается ненавязчивыми звуками изысканной музыки? Вот зачем: вдоль всего побережья, как и глубоко на дне Каспийского-Хазарского моря, происходит следующее: где ни ткни палку, потечет нефть, либо воспламеняющийся газ, либо бурлящая грязь гейзеров. В Азербайджане все жаркое, обжигающее, даже несмотря на каспийско-кавказские ветра и близость моря.

В Храме Огня наш водитель — немногословный человек, редко поднимающий взор от земли, — заговорил, кажется, впервые:

— Пока вы осматриваете храм, я съезжу домой, он рядом, в соседней деревне, привезу вам огурцы из моего огорода.

Мы были удивлены его непосредственностью, но еще больше предложением. И почему именно огурцы?!

Он вернулся очень быстро, довольный собой, неся в руках пакет с крошечными теплыми огурцами.

— Я горжусь своими огурчиками! Вы не представляете, как тяжело жить в Азербайджане, у моря, и выращивать овощи. В земле полно нефти и газа, но и огурцы нам тоже нужны!

Его слова станут самыми запоминающимися из того, что я увезу из Хазарии. Как относительно все в мире, как непостоянно, какими разными могут быть представления о богатстве…

Я получила много ценных подарков в Азербайджане, позволивших ощутить себя настоящей хазарской принцессой: шелка и бархат, золото и серебро, ткани и чай, но те огурцы стали самым дорогим, истинным королем всех подарков. В нем суть этой земли.

В Храме Огня ремешки моих лакированных сандалий стали трескаться. Так мне и надо! Кто же ходит по каменистой земле,

дышащей жаром и извергающей языки пламени, в такой обуви?! Это был знак, предрекающий в течение дня много сюрпризов, и самых разных. Я человек достаточно зрелый и опытный, способный понять знаки, подаваемые миром видимым и невидимым.

После Храма Огня XII века мы отправились в историко-этнографический заповедник Гала. Он совсем не похож на увиденное ранее. Отреставрированная и начищенная до блеска античность в современном мире. Средневековая крепость была полностью реконструирована, вплоть до камешка, и теперь выглядела как новая.

Хочу напомнить читателям, что я отправлялась в Азербайджан с мыслью привезти несколько камушков из Хазарии и захоронить их в землю у памятника Павича, моего мужа. У меня по лучилась целая коллекция: камни из Гобустана, Атешгяха и небольшие раковины с пляжей. Здесь, в Гале, все было вычищено идеально. Я не заметила ни одного камушка. Воспользовавшись моментом, когда наш экскурсовод вел нас по огромной территории заповедника, я спросила: не сохранились ли у них какие-то артефакты IX века нашей эры, подтверждающие проживание здесь хазар?

Представляете, она меня не поняла! Продолжала твердить, что такого народа — хазары — не существовало, есть лишь Хазарское море. Не помогли и все приводимые мной доказательства… Девушка продолжала твердить: «Народа не было, только море». Обдумывая это, я понимаю, что Павич не случайно выбрал тему, создав произведение о вымершем народе, исчезнувшем в пучине истории и времени. Достаточно того, что сохранилось название моря — Хазарское. Так случилось с Атлантическим океаном — это все, что осталось от атлантов. После многих народов вообще ничего не осталось. История хазарского народа представляется мистической еще и по той причине, что после них не сохранилось какого-либо следа — ни построек, ни языка, писем, могил, изделий из керамики. Ничего! Они лишь дали имя богатому нефтью морю, нескольким поселениям, в чьих названиях присутствует слово «хазарский» и фамилию «Хазар».

Разочарованная тем, что не нашла хазар даже в Хазарии, я сфотографировалась рядом с современной скульптурой кагана и представила, что он существовал в те древние времена, а я принцесса Атех. Почему бы и нет?!

В то утро мы были единственными посетителями комплекса. Солнце палило нещадно, у нашей Ангелины разболелась голова, и мы были вынуждены укрыться в суперсовременном здании

ресторана, расположенного недалеко от крепости. Сталь, мрамор и стены из стекла отлично гармонировали с серым камнем храма. Мы почти дремали, сидя в уютных, словно пуховое одеяло, кожаных креслах, опьяневшие от жары, впечатлений, не в силах сопротивляться внезапной лени, меланхоличной задумчивости, местами даже унынию. Тихо работали кондиционеры, официанты на заднем плане были почти не заметны. Мы сидели молча, каждый погруженный в свои личные эмоции.

Внезапно что-то ударилось о стеклянную стену. Удар был достаточно сильный. Мы все подпрыгнули от неожиданности, забегали официанты. На раскаленном мраморе перед рестораном лежал на спине окровавленный голубь. Мертвый?! Невероятный гротеск и ужас. Вероятно, птица не увидела стеклянной стены и не поняла, что перед ней препятствие. Врезавшись на полной скорости, она упала и теперь лежала мертвая, прямо перед нами, но все же отделенная стеклом, близко и в то же время далеко, обманутая синевой неба, отраженной в стекле, наказанная иллюзорностью мира.

Куда летел этот голубь? Почему не понял, что перед ним не чистое небо? Почему погиб прямо у нас на глазах? Почему мне пришлось стать свидетелем столь нелепой смерти? Смерти в Хазарии?

Официант взял стакан воды и вышел на улицу помочь птице. Неожиданно — я даже не поняла, как это случилось, — голубь поднялся.

Он был жив!

Мы все вздохнули с облегчением, радостные и воодушевленные. Мы стали свидетелями гибели и возвращения к жизни. Настоящее чудо! Невероятное везение! Подобно Христу, голубь воскрес прямо у нас на глазах.

Повернув маленькую головку, птица посмотрела на нас через стекло. Казалось, она позирует. Я не смогла удержаться и сделала снимок воскресшей птахи.

Затем он взлетел над террасой и замахал крыльями, стремясь подняться выше, к небу, к свободе, к бесконечному простору, к вечности.

Преодолев расстояние в несколько метров, он упал на землю. На спину. Опять. Когти были поджаты.

Официант выбежал на улицу, плеснул на птицу водой из стакана, но голубь не пошевелился. Он был мертв. Второй раз всего за несколько минут. Мы покинули ресторан, пораженные, шокированные дважды увиденной смертью.

Таким образом, я стала свидетелем, как живое существо два раза умерло и один раз воскресло.

Ужасное событие!

Смерти все же удалось победить жизнь.

Прямо перед открытием памятника на Таш-майдане в июне 2011 года в Белграде была настоящая буря. Лил дождь, выпал град, по улицам текли реки воды, ветер ломал ветки деревьев. Два президента, Сербии и Азербайджана, не могли, как предписывала церемония, снять покров с монументов Павичу и Алиеву. Это сделал за них ветер.

Когда делегации обеих стран подошли к памятнику Павичу, президент Сербии, которым в то время был Борис Тадич, попросил меня, в нарушение протокола, чтобы выпустили стаю голубей. Однако один из них отказывался лететь. Он спрятался на клумбе, рядом с памятником. Тадич осторожно взял его в ладони и передал мне, словно в гнезде или какой-то посудине. Он предложил мне погладить голубя. В последний раз?

Очарованная моментом, я тихо произнесла:

— Это его душа, Павича, верно?

Тадич ничего не ответил, просто улыбнулся, но в его глазах я увидела бездонную пустоту, в них отражались миры и вселенные. Я никогда не забуду его ничего не видящий взгляд.

Возможно, я покажусь слишком сентиментальной, но мы были как президент и хазарская принцесса, стоящие с голубем в руках, посреди бури.

И так было на самом деле…

Вскоре все разошлись: президенты, министры, охранники, репортеры, операторы. Ко мне подошел один из журналистов и, к моему удивлению, спросил:

— Что это был за фокус с голубем?

— Это секретный правительственный план, я не имею права о нем говорить, — ответила я.

Хазарское море Sahilinde[2]

Как бывает в конце каждого хорошего события, это путешествие в Евразию закончилось пиром.

Я сидела на берегу Хазарского моря, рядом с кромкой воды, и передо мной было блюдо с морепродуктами. Нам дали мягкие пледы, чтобы защититься от разгулявшегося ветра, несущего запах нефти и моллюсков, а официанты ставили перед нами тарелки с рыбой и разнообразные соусы.

В Азербайджане всего наполовину, он не Европа и не Азия, не

совсем мусульманский, хотя и к другой религии его не причислить, каждый здесь говорит по-русски, хотя его родной язык относится к тюркской группе, даже Каспий можно считать и морем, и озером.

Белужью икру получают из рыбы с тем же названием. Там я наконец поняла, что белуга — это не название компании, а сама рыба! Кстати, очень вкусная. В частности, потому, что она — нечто среднее между морской и речной рыбой. Нам предложили осетра, белугу, кутума, сазана и щуку, а также обязательный гранатовый соус, который, согласно традициям национальной кухни, подают к каждому блюду из рыбы и морепродуктов. Принесли еще салат из свежих овощей и маринованные дикие сливы. На столе были расставлены тарелки со свежими веточками кинзы, эстрагона, мяты и рукколы, стрелками зеленого лука.

Азербайджанские блюда имеют особый аромат, этим они отличаются от турецких и сербских. Многое едят сырым, но и немало готовят. Куски на тарелке маленькие, но более сочные, острые, пряные. Это не похоже на традиционную еду Малой Азии, скорее на подаваемую на юге Европы, на Средиземноморье, но опять же не вполне. Возможно, в этой еде есть частичка каспийско-кавказской души. Такой необыкновенный вкус пище придают, с моей точки зрения, ускользающие традиции и географическое положение.

Одно из самых знаменитых блюд в Азербайджане — плов. Сразу хочу сказать, что он не имеет ничего общего с тем, как мы в Сербии представляем себе приготовление риса. Секрет, вероятно, в особенных специях. К традиционным блюдам также относится курица, фаршированная пастой из грецких орехов. Плов также часто готовят с этой пастой.

Тем не менее заказать в Азербайджане чашку кофе, даже во время «Евровидения», — настоящая удача. Мне потребовалось пять дней, чтобы понять, что пить кофе не в традиции этой страны, и все недопонимания являются следствием незнания этого. Азари пьют чай — это существует в их культуре благодаря России и исламу. Правило, высеченное в камне. Сам ритуал чаепития, посуда, подготовка, добавляемые ароматы — все основано на опыте русских и мусульман, поэтому иностранец, знакомый с какой-то одной традицией чаепития, найдет азербайджанскую весьма странной.

Если заказать в Баку кофе, то сначала его придется долго ждать, потом его принесут, но без сахара, потом не найдется ложка или, например, молоко. В первый раз я решила, что мне попался нерадивый официант, возможно новенький, спешно обученный перед конкурсом «Евровидение», однако все остальное

— гораздо более сложное — он выполнял безупречно, и тогда я поняла, что кофе чужд азари, и дело не в профессионализме, языковом барьере, навыках, просто такова их натура.

К концу поездки я перешла на чай, и все изменилось в мгновение ока. Мне очень нравилось, что мне приносили полную сахарницу, чтобы можно было брать кусочек, держать во рту и запивать горячим напитком, наслаждаясь тающей на языке сладостью.

В один из последних дней нашего визита мы были приглашены на семейный обед на морском берегу, где жители Баку имеют собственные виллы. Поводом было восьмидесятилетие мамы одной из моих попутчиц, которая жила в Сербии, хотя была родом из Азербайджана.

Стиль праздника, его дух, характер, подаваемые угощения — все напомнило мне, как ни странно, фильм Бергмана «Фанни и Александр».

Я должна сообщить, что приглашенные гости принадлежали к культурной, интеллектуальной и политической элите страны. Никогда в жизни мне не доводилось быть на подобных семейных мероприятиях. Высочайший уровень общения, манеры, блюда, сервировка, много тостов, но еще больше еды и напитков, а также того, что я жду и от своей страны, и я бы назвала это словом *цивилизованность*.

Нас, нескольких женщин, удостоенных чести увидеть частную жизнь семьи в этой далекой стране, принимали с особым вниманием. Подарки и тосты в честь Сербии. Гостеприимство не раз заставляло вспомнить родную страну, где есть те же радушие, простота, внимание, открытость, но при этом и некоторая отстраненность. Атмосфера Азербайджана опять наводила на мысли о юге Сербии, Греции, турецкой интеллигенции, том неуловимом, что мы называем «аромунским наследием», а хранящих его людей «современными аромунами».

Меня удивило, что хозяйка дома, политик, хранила мобильный телефон в декольте. Потрясающе! Подобно тому, как некогда сербские женщины хранили в декольте, в их неприкасаемом тайнике, деньги, современные дамы отвели это место новейшему устройству связи! (И пожалуйста, не говорите мне, что негигиенично хранить в этом месте телефон! Для денег оно тоже не очень подходит, и ничего!)

Чай с тортом мы пили на соседней вилле, также принадлежащей политику. На берегах Хазарского моря. Разумеется, на территории был бассейн. И сад с буйно растущей лакфиолью, цветами «уильямс» и розами. Чай готовили на улице

в самоваре — совершенно по-русски, — но используя мангал, на котором разжигали уголь, как для кальяна.

Я бродила по красиво украшенному саду, поглядывая на сидящих за столом людей. Пухлые, а-ля русские блондинки, женщины с темными глазами и носами, похожими на клюв, смуглые мужчины, смешение всех известных культур, цивилизаций, кровь представителей самых затерянных уголков мира, влияние географического положения, времен и эпох… Несмотря на такую смесь, женщины выглядели уверенными в себе, похожими на кошечек, чувствовали себя защищенными, получающими в достатке заботу и внимание мужчин, всего этого давно нет в Сербии и в Европе.

В отношениях присутствовали патриархальность, соблюдение порядка, иерархии, истинное наслаждение происходящим; в Европе мы уже забыли об этом в погоне за *сейчас* и *завтра*.

Мы сконцентрированы на самом марафоне.

В день отъезда, когда я уже упаковала вещи, мне сообщили, что мой билет не могут найти в системе авиакомпании и мне придется остаться в Баку на неопределенный срок! Не помогло и то, что я почетный гость, прилетела бизнес-классом и билет у меня на регулярный рейс. Виртуальный разум системы авиакомпании это не учитывал. Я оказалась в ловушке у Азербайджана, за тысячи километров и много часов лета от дома. У меня началась паника, охватили страх, клаустрофобия. Я была уверена, что злые местные демоны, недавно убившие голубя, намереваются помешать моему возвращению. Я проклинала хазар, свое паломничество, «Евровидение», Евразию в целом…

Уж если памятник моему мужу доставили из Баку в Белград на военном самолете, я определенно смогу улететь хотя бы на гражданском. Я предложила демонам все полученные подарки, вознесла молитвы, стараясь успокоить все потусторонние силы, но сложилось так, что главную роль сыграл министр иностранных дел Азербайджана. Или не он?

В любом случае система каким-то образом снова заработала и нашла мое имя, не знаю уж, помогли тому политические силы этого мира или какие-то иные. В самолете по дороге домой я прочитала в газете, что в последний день конкурса «Евровидение» была предотвращена атака террористов. Откровенно говоря, я была не очень этим обеспокоена. Меня больше волновало движение на дорогах, чем террористы или злобные демоны.

Вернувшись в Белград, я закопала камушки из Хазарии в клумбе у монумента Павичу на Ташмайдане — темные из Гобустана, черный гравий из Храма Огня в Атешгях и крошечные

раковины с берегов Хазарского моря. Организовала поэтическую и любовную церемонию поминовения. Я написала книгу «На берегах Хазарского моря» и назвала одну главу «Хазарское море Sahilinde».

Я не могла бы считать себя писателем, если бы не верила, что слова тверже камня. И что они живут так же долго…

Запоздалые письма о любви

Ясмина Михайлович и Милорад Павич
Два кольца перед отходом ко сну

Главные герои в этой главе — живописцы. Или… Их имена Филипп Рубор и Ферета Су. Впрочем, читатель может придумать и другие по собственному усмотрению. В их прошлом неудачные браки и рождение троих детей. Но это замужество принесло счастье им обоим. По крайней мере, так обстоят дела в начале повествования. Ферета находится в расцвете сил, ей сорок, в то время как в ноябре у Филиппа начнется восьмидесятый год жизни. Хочу отметить, что он уже обрел успех, она же только начинает покорять сердца женской аудитории, дамы все чаще посещают ее выставки. Он же, по мнению многих, последние два десятка лет медленно выходит из моды, после того как поднялся на вершину славы. Выставки его проходили и в родной стране, и в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Барселоне, Мадриде, Риме, Милане, Афинах, Москве, Санкт-Петербурге, даже в Китае и Японии. Здоровье подводит его все чаще, и потому он неминуемо движется к забвению. Картины его так же колоритны и хороши, как прежде, и с успехом продаются за границей, однако в своей стране он не может получить ту же цену на аукционах и в галереях, которую предлагали раньше; они все меньше и меньше заинтересованы в нем.

Порой ему приходит на ум мысль, что дела шли бы лучше, будь он мертв…

(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)

Главными героями моего повествования будут Милорад Павич и Ясмина Михайлович. По крайней мере, они были… Милорад Павич умер, а я, Ясмина Михайлович, пишу эти строки, потому что я писатель, это моя работа, которую я люблю.

В стране, в которой мы живем, в то время, в которое живем — закончившаяся первая декада XXI века, — любить и мужа, и работу считается неестественным, аморальным, подозрительным. Вот к чему мы пришли. У меня иногда возникает чувство, что я родилась с дефектом и живу с ним уже более пятидесяти лет… Самым важным для меня в жизни была любовь. Тем не менее почти на каждом шагу, все чаще и чаще я сталкиваюсь с почти маниакальным стремлением ненавидеть. Всё и всех. Ненависть

окупается; это чувство проще выразить, оно вырывается изнутри само, в то время как любовь требует душевных сил.

В настоящее время я ощущаю себя замурованной в собственной квартире. Любовное гнездышко превратилось в безмолвную ледяную тюремную камеру. Полагаю, такое испытывает каждая вдова. Все вокруг будто внезапно окаменело и замолкло. Тишина, неподвижность, давно не звонит телефон, в почтовом ящике ничего, кроме счетов, ход часов кажется громким шумом, даже никто из соседей ничего не сверлит…

Зима с ее снегом, ветром, дождем и льдом растянулась на много месяцев. Словно и климат тоже вступил в заговор против меня. На самом деле все в сговоре против всех.

Бесконечная зима, сумасшедший ритм жизни. Препятствия возникают на пути с того момента, как мы просыпаемся, сохранить стиль жизни и обойти их становится все сложнее без колоссальных усилий и стресса…

Вся эта чепуха отошла на задний план, я пребывала в состоянии шока от смерти любимого. Кроме того, мне не было позволено сохранить факт потери только для себя. Известность личности не предполагает, что смерть его будет частным событием. Как и уход всех членов семьи. Чтобы пережить это, я решила занять время походом по учреждениям, где пришлось вести баталии с администрацией, разобраться с деловой и частной корреспонденцией мужа, чтобы отобрать письма, которые могли бы стать его наследием; но вечерами, когда темнело, я приступала к личным делам.

Вы полагаете, по вечерам я скорблю… И это правда. Горе наваливается с невероятной силой. Непередаваемой, невообразимой. Однако я нашла способ облегчить боль.

Прагматичный и действенный способ. Я решила опять вспомнить о том, как влюбилась в мужа. У меня есть привилегия читать книги Милорада и наблюдать, как он вплетал в сюжет произведений нашу личную жизнь, своего рода запоздалые письма о любви. Мне доставляет удовольствие вспоминать то или иное событие, картины представляются более яркими, чем может передать цифровой фотовидеоальбом, слова ласкают меня, а некоторые вещи, должна признаться, обретают иные контуры и глубину.

Я перечитала роман «Другое тело», посвященный мне, «Тунисская белая клетка в форме пагоды», где также главная роль отведена мне, я сравнивала написанные нами вместе «Историю любви в двух версиях» и «Две истории из Котора», я помню премьеру в Москве спектакля по книге «Вечность и еще один день», начинавшейся словом: «Ясмине».

Ложась спать, я надеваю оба обручальных кольца, чтобы призвать счастливые сновидения. Я все еще ношу черное, и не ради традиции, а из глубокого внутреннего чувства, что так лучше, каждое утро я заставляю себя сделать макияж для себя, для него и для окружающих. Внутри меня живет воссозданное мною же чувство пламенной любви, согревавшее меня двадцать с лишним лет. Я сияю, хотя давящая печаль едва позволяет дышать, сияю, потому что мне выпало счастье испытать великую любовь, которую никто у меня не отберет, это могу сделать только я сама.

Запоздалые письма о любви

> Вступая в солидный возраст, Филипп все больше и больше отклонялся от норм, принятых в его социальной среде. В его окружении, например, никто не мог понять, как брак может быть счастливым, таким, как у него, не прощался и успех, и всемирная известность, которой он обладал. Тем более что все эти неслыханные вещи могли удвоиться или даже утроиться. Он со своим успехом представлял угрозу для мирного сообщества, не говоря уже о совместном успехе — его и ее, — который мог последовать. Подобное развитие событий предполагает популярность каждого в квадрате, а их обоих даже в кубе. Это будет уже слишком. Филипп не был, не мог оставаться равнодушным к общим настроениям в его окружении.
>
> *(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)*

Я не получала любовных писем от мужа. Познакомившись, мы сразу стали жить вместе, расставались редко, только на время деловых поездок, наша жизнь и работа проходила в одном пространстве. И так продолжалось семнадцать лет, до его смерти. В больнице, за несколько дней до ухода из этого мира, муж сказал, что в ящике я найду сборник его стихов, посвященных нашей любви.

У меня долго не хватало смелости достать эту пачку листов. Я сделала это через десять дней после его кончины. Сборник назывался «Послесловие» и начинался строками:

> Если бы ты снова купила мне
> блокнот с пустыми, не разлинованными страницами,
> Возможно, я, наконец, смог бы написать тебе
> любовное письмо.
> Последнее, вместо первого.

Было ли мне грустно читать эти письма? Или я счастлива получить последнее любовное послание? Нет слов, способных описать все чувства, смешавшиеся в душе. Ни одно из них…

Я сплю под покровом этих листов с написанными им словами, стихами, его запоздалыми письмами о любви.

Я всегда плакала после просмотра романтических фильмов,

даже после прочтения романов с несчастливым концом. Теперь я плачу в начале. Над моей собственной любовной историей с несчастливым концом. Неужели так заканчиваются все любовные истории? Да! Поскольку ни одна из них не завершается радостной фразой: «И они жили вместе долго и счастливо…» Истории эти очень счастливые, вот только конец трагический.

Но вернемся к радостным воспоминаниям. Наша жизнь создана из счастья; просто мы его не замечаем. Счастливое течение жизни — это нормальное положение дел, так же как и здоровое, но мы не видим этого или не ценим. Мы будто прокляты.

Знаете, у меня есть два ключа, которые открыли мне двери к счастью. Один с розовым брелком, легкий, он в 1992 году открыл дверь в наше любовное гнездышко на улице Илии Гарашанина, которая тогда носила имя Георгия Димитрова. Когда мы с Милорадом решили жить вместе, мы сняли студию в доме на этой улице. В квартире были старомодный широкий коридор, одна комната, крошечная кладовка, большая ванная, огромная кухня и балкон, с которого открывался вид на мрачный внутренний двор. Из имущества у нас были кровать, стол, два стула, печатная машинка, плита и гладильная доска, с помощью которой мы увеличивали размер обеденного стола. Из дома, в котором жил раньше, Милорад взял лишь свои рукописи, чемодан и машинку, на которой был напечатан «Хазарский словарь».

Моя будущая свекровь одолжила мне две кастрюли; бывший муж отдал миксер. Мы всегда были голодны и переполняемы любовью. Ему было шестьдесят два, я на тридцать лет моложе. Он был популярен, а я напугана. Трепетала перед его известностью; решение разрушить предыдущий брак, в котором я жила, словно в коконе, тринадцать лет, вызывало страх; дрожь и жар любви проникали в самые глубины души, в ДНК, я горела, словно в лихорадке.

Были мы тогда счастливы? Возможно. Сомневаюсь, что, учитывая крупные неприятности, нашу жизнь можно назвать словом «счастливая». Конечно, были и взлеты, страсть, любовь, которая охватывала нас с такой силой, что было трудно дышать, но спокойное счастье, полное удовлетворение, нет, ничего подобного не было, по крайней мере в самом начале, в той студии напротив парка Ташмайдан.

Сегодня я храню этот розовый ключик в золотой шкатулке в форме крохотной птичьей клетки. Она лежит в ящике моего стола рядом со старыми шариковыми ручками и одной перьевой, в которой давно закончились чернила, ластиками для работы с рукописью, написанной карандашом, такие авторы создают своим

сердцем.

Рядом с этим розовым ключом, напоминающим о начале любви, хранится еще один, с ярко-красным брелком…

Ящик для письменных принадлежностей капитана

Была третья суббота мая, в тот день в 6 часов вечера начиналась «ночь в музее» и должна была закончиться лишь следующим утром. Шестьдесят музеев и галерей города, выставки, концерты, спектакли, в эту ночь все можно посетить по одному билету… Как обычно, Филипп и Ферета вышли из дома с небольшим опозданием. Они отправились к зданию университета, где в ректорате можно было увидеть египетскую мумию, которую привез в страну в 1888 году один меценат, последний раз ее выставляли в 1915-м. В Студенческом парке на открытом воздухе они прослушали лекцию по экологии и узнали, как электронный мусор может стать предметом вдохновения… После этого у них остались силы только еще на один визит. В Этнографическом музее они бросили взгляд на фотографии «Обнаженная натура XX века» и, потирая слипающиеся глаза, поспешили домой.

Приближаясь к тихой улочке, они поражались, как много вокруг людей, несмотря на половину второго ночи. У дома они увидели полицейскую машину с включенной «мигалкой». Пробравшись не без усилий сквозь толпу, на первом этаже они назвали свои имена и вошли в квартиру. Перед глазами их словно вспыхнул яркий свет.

Квартира была совершенно пуста. Исчезло все до последней иголки. Его и ее полотна, мольберты, даже аквариум. Украдены были оба компьютера, с фотографиями его и ее картин и рисунков. В пустых комнатах, оставшихся без ковров, гулко разносились голоса полицейских, приступивших к расследованию. Не пустовал лишь один угол, в котором стояла огромная изразцовая печь, возвышавшаяся, словно колокольня…

(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)

Красный ключ открывает квартиру с высокими потолками, расположенную в красивом здании, построенном в середине прошлого века, в уютном Дорчоле. (Это один из самых старых городских кварталов Белграда.) Все семнадцать лет нашей совместной жизни с Милорадом она была нашим гнездышком,

где жила любовь друг к другу и литературе. В 2010-м я вернусь после «ночи музеев» одна. На доме, в котором мы жили, возможно, в скором времени установят мемориальную доску: «Здесь несколько лет жил и работал сербский писатель Милорад Павич. 1929–2009». С каким чувством я буду тогда входить в здание?

Не могу сказать, что жду этого момента с нетерпением. На самом деле любовь не выносит публичности. Она похожа на эмбрионы близнецов, устроившихся в темноте, окруженных околоплодными водами, самодостаточных, нуждающихся лишь в защите от враждебного внешнего мира.

И все же сейчас я живу в музее. Квартира в старом Дорчоле завещана моим мужем городу. Как коренной житель Белграда, он большую часть имущества оставил ему. Хм… странная судьба у нашей любви: она жила в арендованной квартире около площади Ташмайдан и открывалась розовым ключом, а потом в доме-музее в Дорчоле, дверь в который запирается красным ключом. Как мне живется в месте, не принадлежащем нашей жизни и любви? К счастью, меня окружают вещи со своей историей, вызывающие приятные или горькие воспоминания, словно они запомнили и научились воспроизводить некогда сказанные слова. В этой реальности присутствует некоторая виртуальность.

— Не плачь, сердце мое! Я все улажу. Почему же ты плачешь? — «говорит» он.

— Я увидела письменный набор из Котора и вспомнила все счастливые и несчастливые моменты нашей жизни, — «отвечаю» я.

Этим набором из Котора капитан корабля пользовался, когда делал записи в судовом журнале, в его укромных уголках хранил печати и золотые монеты, мы с мужем написали об этом ящике каждый по книге. Милорад — «Ящик для письменных принадлежностей», а я — «Отделение для монет и колец». Приходящие в дом дети используют сундук для игр. Собирают и разбирают вновь. В ящике есть потайное отделение, открывающееся при нажатии в определенном месте сбоку; он имеет бессчетное количество укромных уголков, крышечек и может принимать разные формы. Однако снаружи выглядит как обычная прямоугольная коробка из лакированного розового дерева, отделанная латунью. Ничего особенного. Сегодня в любом магазине подарков можно найти более причудливые сундучки.

Недавно в квартиру в Дорчоле приходил один венгерский студент-докторант из Сегеда, писавший работу о творчестве Милорада Павича, и он едва не задохнулся от восторга, когда я показала ему ящик для письменных принадлежностей и все его

особенности. Для него ящик был не реально существующим предметом, а названием романа, необходимой вещью для развития сюжета! Мои же чувства были совершенно иными. Внезапно я потеряла ощущение реальности, меня охватило головокружительное понимание глубокого смысла и бессмысленности одновременно.

Мне ящик напоминал о дождливом вечере в гостинице «Фьорд» в Бока-Которской бухте, о ссоре двух любящих людей, слезах и сладких поцелуях примирения. Для Роберта, докторанта, ящик был литературным героем и предметом с историей. От такого смешения личного и всемирно известного невольно закружится голова!

Впрочем, мне пора перейти к воспоминаниям о других вещах…

Тунисская белая клетка в форме пагоды

Чтобы противостоять ненависти, все сильнее сжимавшей кольцо вокруг них, они свели к минимуму общение с друзьями и выходы из дома. Следует отметить, что его друзья со своей стороны также стали их покидать. Таким образом, в их окружении остались лишь ее приятели. Но ужаснее всего было то, что вскоре и они начали исчезать, а она ведь с таким чувством писала их портреты. Филипп довольно давно понял, что одни и те же люди не могут быть рядом с человеком до и после успеха. После прихода славы старые товарищи уходят, и вам приходится находить новых, что вы и делаете. Ферета, как, впрочем, и Филипп, не подозревали, что момент такой расплаты может наступить в самом начале пути вверх, как в случае с Феретой; оба были поражены, что и ее друзья постепенно исчезают из их круга. Еще одно доказательство, что успех ничто не щадит. Что ж, они купили аквариум с рыбками, и она принялась дрессировать их, как цирковых лошадей, обучая кувыркам в воде.

И рыбы повиновались. Они боялись кому-либо об этом рассказать, поскольку знали: им никто не поверит.

(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)

Есть мужские голоса, которые ласкают изнутри. Глубокие, звучные, с хрипотцой.

Я всегда определяла степень сексуальности мужчины по голосу и тому, как сидят на нем ботинки! Теперь, когда мой любимый физически уже не со мной, я все же соблюдаю один тайный ритуал. На нашем автоответчике сохранилось одно сообщение от мужа. Я включаю его, когда мне особенно грустно, и раз за разом прослушиваю «интимную» запись, на которой муж просит позвонить, как только я проснусь.

У меня нет недостатка в аудио- и видеозаписях, дисках с местными и зарубежными программами, в которых участвовал муж, но все это достояние широкой публики! А случайно оставленное сообщение на автоответчике принадлежит только мне! Я надеюсь, что этот электронный носитель не сломается, произнесенные слова не исчезнут и принадлежащая мне одной реликвия будет согревать душу многие годы.

Интересно, как долго может жить горе? Продлевают ли

воспоминания о любви ее жизнь? Как мне идти дальше, если сейчас двойственность присуща моей личности больше, чем когда-либо? Раньше я была доброй, а для кого-то злой, женой Милорада Павича. Они либо поздравляли меня с тем, что я имела смелость войти в мир литературы самостоятельно, либо шептались за спиной, называя «пиявкой», присосавшейся к мужу. Теперь я вдова того же мужчины, но мне опять не удается быть просто Ясминой Михайлович. Я опять тактично стараюсь продемонстрировать свою состоятельность как писателя, несмотря на все изданные книги, и одновременно занимаюсь литературным наследием мужа, стараясь продлить его творческую жизнь после окончания физической.

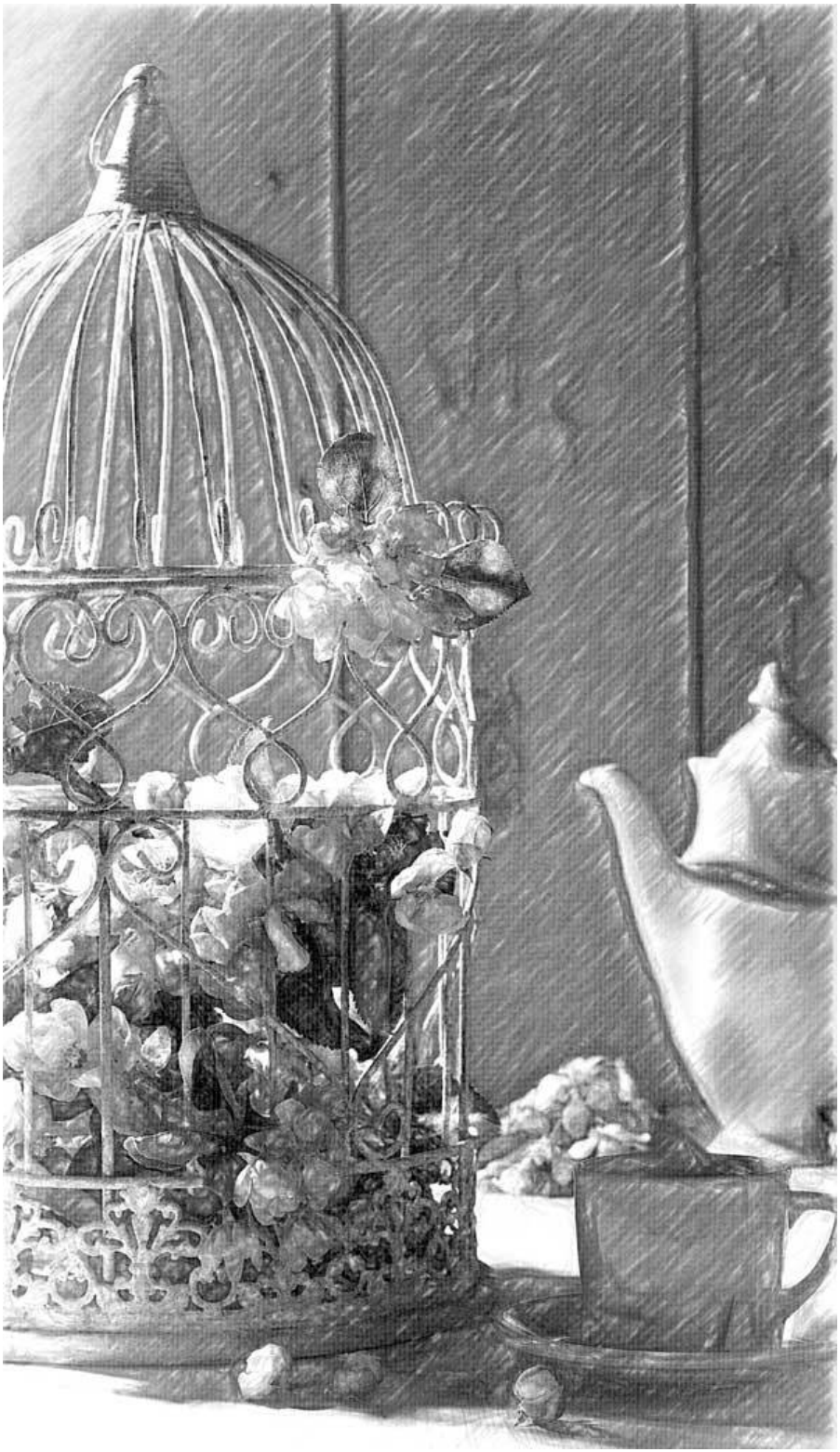
Для метафорического выражения моего образа жизни, тянущегося уже два десятилетия, как нельзя лучше подходит клетка для птиц. Огромная, причудливая тунисская клетка, чем-то похожая на дворец. Арабы на протяжении веков трепетно относились к искусству рождения звуков — к журчанию воды в фонтане, щебету птички. Поэтому их клетки представляют собой шедевры творения. Однажды, отдыхая в Северной Африке, я захотела купить себе такую клетку. Привезти ее домой в качестве сувенира стоило немалых хлопот. Ее размер заставлял отправить ее грузовым самолетом. И все же, благодаря авантюрному духу и счастливому стечению обстоятельств, мы привезли ее домой. В ней живет чучело птицы, очень красивой, с настоящими перьями, но стеклянными, безжизненными глазами. Таким образом, у меня живет рыбка, которая не произносит ни звука, и мертвая птица. Вокруг меня всегда тишина.

Все годы нашего брака и литературного творчества мы прожили во взаимном искушении в разных смыслах. Я мечтала, чтобы муж написал роман, в котором я буду главной героиней, по праву желала получить этот ценный подарок. Единственные ограничения, которые я поставила автору, были связаны с домом, где должна жить моя героиня. Об этом вы можете узнать из книги «История любви в двух версиях», которую мы написали вместе. Но вернемся к клетке. Рассказ, который написал Павич по моей просьбе, называется «Тунисская белая клетка в форме пагоды». Меня шокировало не только название, но и содержание. «Наша» клетка совсем не белая; ее основание представляет собой тяжелую доску из дерева оливы цвета темного средиземноморского меда. Толстые прутья металлические, сероватые. Она совсем не кажется воздушной, легкой и тонкой. Таким получился и рассказ. Красивым, но тяжелым.

Тунисская клетка стала метафорическим выражением моей жизни, многие ошибаются, думая, что это так и есть. Впрочем,

каждый человек в некотором смысле проводит жизнь в клетке. Но бывают моменты, когда птиц выпускают, чтобы они полетали. Хотя и в пределах комнаты! Такова их ограниченная свобода.

Моя личная свобода, как и всех остальных, состоит в том, чтобы выбирать, когда покинуть клетку, как долго кружить по комнате, поддаться ли искушению вылететь в открытое окно. Ведь никому не известно, что там, за стеклом.



Три стола

> Все в квартире стало так, как было. Стены украшали картины, не те, что украли, другие. Появилась и мебель. Аквариум, большой четырехместный диван белого цвета, маленькие столики снова заняли свои места, будто уходили куда-то, а теперь вернулись. На одном стоял монитор в девятнадцать дюймов компьютера Филиппа, а рядом ноутбук Фереты. На обоих экранах, сменяя друг друга, мелькали фотографии их картин и скульптур. Он посмотрел на свой компьютер и узнал одну из работ 2001 года.
>
> *(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)*

В нашем романтическом, супружеском, литературном союзе мы все семнадцать лет неслись вперед на скорости 300 километров в час. Мне никогда уже не удастся восстановить этот темп. Речь не только о скорости жизни, быстроте происходивших событий, сменявших друг друга различных ситуациях, путешествиях, но некой внутренней мощи. Много любви, ссор, долгих разговоров, споров-баталий, слез, восторгов, страха, радости, одержимости друг другом… Тогда мне казалось, что мы живем как обычная пара, только сейчас я понимаю, что ошибалась. Являясь непосредственным участником события, вы не в состоянии взглянуть на происходящее со стороны, представить, как это видится остальным! Как говорится, в самом центре урагана всегда спокойно. Тишина вакуума.

Павич часто говорил и мне, и публике, что любовь жива, пока она меняется. И в то же время это самая трудная форма любви. Мы более или менее привыкли к скорости в обыденной жизни, но как перенести это на интимные отношения, ведь любовь любит рутину не меньше, чем изменения?! Решение могут помочь найти такие качества, как любопытство и смелость.

Человеку требуется много мужества, чтобы разрушить прежнюю жизнь и создать новую. Сейчас передо мной опять те же задачи. Я нахожусь в точке между концом и началом. Я помню, когда мы переехали в квартиру в Дорчоле, у нас не было ни одного стола. Точнее, был один для компьютера, небольшой, старомодный, на колесиках, столешница, нижняя полка… хотя в 1992-м, о котором я вспоминаю, компьютеры еще не были так распространены. Я бы сказала, что это был не стол, а скорее тумбочка для телевизора. Но у нас были две печатные машинки

— электронная и старая, ручная — с черной лентой, которая пачкает пальцы каждый раз, когда вы ее меняете. (Бог мой, я пишу эти строки и слышу, как стучат клавиши этого доисторического агрегата.) У Павича, в его шестьдесят два года, когда он был всемирно известным писателем, не было письменного стола! Все его вещи остались в старом доме. Впрочем, не думаю, что он о чем-то жалел, он прыгнул, как в пропасть, в новую жизнь с новыми вещами, эмоциями, воспоминаниями. Я тогда была гордым собой автором единственной книги и нескольких публикаций в журналах. Но стола у нас не было…

Как литератор покупает письменный стол? Это ведь атрибут, необходимый для работы, творчества и успеха. Неотъемлемая часть писательского быта. Современному автору для работы достаточно ноутбука и того пространства, которое он занимает, но во времена, о которых я пишу, люди еще не были такими мобильными, жизнь не менялась так быстро и часто. Мы принялись искать эти важные предметы мебели. Через три года мы нашли то, что хотели. Они были созданы архитектором Кучиной. Дубовый стол для мужчины и поменьше — женский, светлого пепельного цвета. В данный момент я как раз пишу за ним эти строки; сейчас лето, и держать ноутбук на коленях жарко и неудобно, поэтому я вернулась к классической форме работы за столом.

История о том, как проходили поиски и с какими мы столкнулись сложностями, описана в моем рассказе «Три стола», вошедшем в наш с Павичем сборник «Две истории из Котора». Читателей не должно удивлять, что столы из нашей квартиры в Белграде имеют какое-то отношение к Котору. Они имеют, и самое прямое. Но это долгая история и долгое путешествие.

Есть у нас и еще один стол, связанный с публичной и частной жизнью, — большой стеклянный обеденный стол. Его можно увидеть на многих снимках сербских и зарубежных фотографов, он очень фотогеничен. Стол и кованые стулья к нему были изготовлены дизайнерами из Нови-Сада, мужчиной и женщиной. Комплект выполнен в очень необычной манере, к примеру, столешница сделана из трех разных стеклянных плит. Один приятель, увидев ее, сказал, что поверхность стола похожа на цвет моря у Бора-Бора. С тех пор мы стали называть этот стол, за которым пережили немало приятных моментов с друзьями и семьей, «стол Бора-Бора».

Возвращаясь к рассказу о мебели в квартире в Дорчоле, я хочу с грустью отметить, что жизнь вещей намного дольше человеческой, и люди пользуются ими лишь краткий период

своего существования. Я часто вспоминаю, как муж сбивал меня с толку словами, произносимыми, когда я тщательно убиралась, протирала пыль, стремясь хорошо ухаживать за мебелью: «Не переживай, все эти вещи нас переживут! И они не стоят тех сил, которые ты на них тратишь». Думая об этом, я ощущаю грусть от того, как верны были его замечания, и одновременно тепло, которое дарują воспоминания. Что еще мне осталось…

Жемчужное ожерелье

Хорошо, и все же еще один вопрос. Вы были любимы?

— Да. Вы не поняли? Ни я, ни Филипп этого не скрывали; это было ясно каждому, кто нас видел.

— И вы полагали, вам не будут завидовать? — спросил Нил Олсон. — Я удивлен, что вы сбежали сюда так поздно. Вам пришлось испытать много ненависти. Это непросто. Прежде всего, для вас. Они взяли реванш, отыгравшись на вас за все годы, чего не могли позволить в отношении Филиппа… Вероятно, вы кому-то сделали нечто очень доброе, такое, что не забывается, и теперь этот человек вам мстит, ведь самая грозная месть всегда направлена на сделавшего добро. Впрочем, это не так важно. Ваше нынешнее положение нельзя назвать тяжелым. Просто вы сами еще этого не понимаете. Прежде всего, вам больше не надо «находиться в чьей-то тени», как сказал один музыкант. Знаете, я посетил вашу выставку в Базеле, она великолепна. Дежавю. Никто не ждет возвращения талантливого живописца на родину.

— Но почему?

— Они не знают, как извлечь из этого выгоду. Кроме того, предпочитают не иметь сами, но не позволить иметь другому. Ваше пребывание здесь им выгодно. Так что ваше положение не так плачевно, как вам кажется.

(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)

Была ли я любима? Да, была. Огромной, страстной любовью, великой, порой болезненной, почти жестоко эгоистичной и трагической.

Любила ли я сама? Да, любила. Собственнической любовью женщины, что значит безропотной, трепетной, порой нервной и в высшей степени чувственной.

Мы любили друг друга как-то празднично, торжественно, будто каждый был другому ценным подарком.

Первым подарком от мужа оказалась женская трубка цвета красного дерева! Сам Павич был страстным любителем курения трубки, так что подтекст очевиден. «Я хочу, чтобы ты была моей всецело, хочу, чтобы стала моим вторым „я“, второй половинкой», — казалось, говорил этот подарок.

Удивительно, но моим первым подарком мужу была

керамическая табакерка медового цвета! Мой подарок говорил следующее: «Я желаю, чтобы ты принадлежал мне одной, хранился в моей личной маленькой шкатулке». За время наших отношений, длившихся два десятилетия, мы боролись за превосходство каждый своей любви. Желание соблазнить, доказать силу чувств, в первую очередь творчески. Когда любовь связывает двух литераторов, получается эмоциональный хаос.

Любовь ненасытна в своих проявлениях. Звучит парадоксально, но это правда. Творец ненасытен в желании быть любимым. Именно поэтому он стремится продемонстрировать свою работу публике, он эмоциональный эксгибиционист. Он почти кричит: «Смотрите на меня! Любите меня! Мне нужна вся любовь мира!» Таким образом, слова «творец» и «любовь» почти синонимы.

Представьте себе любовь двух творцов — это страстная необходимость.

Я люблю вспоминать романтические подарки моего мужа. Их было много и самых разных: наивных, маленьких, больших, неожиданных, смущавших меня, но ни один из них не был случайным и непродуманным (за исключением ремней, бумажников, шапок, перчаток и подобных тривиальных, но нужных подарков на Рождество). Должна признать, что все, что я получала, было интереснее того, что дарила. Что сказать, женщинам всегда просто выбрать подарок. Если он покупал мне калейдоскоп, я в отместку покупала песочные часы, в которых был не песок, а смесь более крупных частиц, которые сыпались медленнее. Когда он купил мне жемчужное ожерелье, я вручила ему декоративную пуговицу, которую можно использовать как верхнюю на мужской рубашке. В разных странах по всему миру я покупала ему блокноты с чистыми страницами (без полосок или клеточек) в самых разнообразных обложках, настоящие произведения искусства. Пожалуй, это самый интимный подарок для писателя. Видимо, по этой причине сейчас производят так много электронных книг, планшетов и всевозможных электронных гаджетов с сенсорным экраном, названий-аналогов которым нет в сербском языке, мне приходится использовать английский вариант[3].

Жемчужное ожерелье в четыре нити — самый любимый подарок мужа. Я получила его в день сорокалетия. Когда часы били полночь. Оно лежало в бархатной коробочке темного синего цвета. Мне нравилось застегивать замочек на шее, нравилось прикасаться к лунно-холодной поверхности жемчужинок. Они будто увлекали меня в загадочную глубину океана. Я ощущала, как переливаются на коже молочно-белые бусины, даже если не

видела их блеска. Несмотря на то что ожерелье — украшение гламурное, я беру его в каждую поездку скорее в качестве талисмана. Ожерелье — мой попутчик во время прогулок по морскому побережью. Поскольку сейчас даже звезды шоу-бизнеса новой волны не надевают на пляж драгоценности, я прихожу к морю с моими жемчужинами ночью, чтобы омыть их в воде. Возвращая их в родную стихию, я даю им возможность обновить энергию. На самом деле в некотором смысле мы все состоим из соленой воды. Возможно, поэтому я считаю ожерелье самым дорогим мне подарком. Оно и есть я, только жить будет дольше!

Парижский поцелуй

Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем. Особенно о живописи. Когда я встретила тебя, для меня, и не только для меня, для всех художников ты был богом. Представь, как должен чувствовать себя человек, когда ты просишь его совета. Ты и представить себе не можешь, что значит думать о чем-то, кроме живописи. А я отлично знаю. Я даже не считаю себя прирожденным художником. Для тебя живопись — это жизнь, а для меня лишь способ заработать. Твоя жизнь — не жизнь, а творчество. Тебе восемьдесят, ты болен, мы навсегда упустили возможность счастливо жить вдвоем. У нас был шанс, я говорила тебе, но ты меня не понял. А сейчас уже слишком поздно. Должна сказать, я не могу работать в одной комнате с тобой. Волны наших энергий пересекаются и мешают друг другу. В любом случае я хочу жить, а не рисовать. Не будь я женой известного художника, в живописи могла бы добиться большего. Не будь я связана с тобой. Знаешь, я пришла к выводу, что все, что хорошо для тебя, плохо для меня. Мне надо всегда делать что-то иное, в противном случае я обречена.

(Отрывок из романа Милорада Павича «Мушка»)

Мой роман «Парижский поцелуй» заканчивался фразой: «Я невероятно счастливый человек, потому что не боялась любить». Перечитывая роман недавно, став абсолютно одиноким человеком, сначала я решила, что слова звучат слишком помпезно, но позже поняла, что это правда. Все падения и взлеты в жизни связаны с желанием бескорыстно любить кого-то или что-то: мужчину, ребенка, родных, животных, бога, родную страну, город, работу, книгу, дорогую вещь, даже холм за окном, пейзаж, цветок…

Павич и я страстно любили Париж. В первую очередь его атмосферу и архитектуру. А также загадочную способность превращаться из современного мегаполиса в средневековый город, особенное, парижское влечение к искусству, ко всему гедоническому, страстному, к высокому стилю, спокойствию и счастью, ко всем тем вещам, которые делают жизнь прекрасной. Париж, если сравнивать его с Белградом, был для меня нежным любовником. Страстным, ни на кого не похожим. Моему альтер

эго всегда было свойственно юношеское ожидание от жизни чего-то большего, великого.

Живя время от времени в Париже, мы имели возможность исследовать его слой за слоем. У туристов есть шанс влюбиться в город сразу, с первого взгляда и страстно. Местные жители, напротив, иной раз не вполне осознают, любят ли они или ненавидят его. Мы с мужем могли позволить себе познать оба этих чувства, то влюбляясь в город, то испытывая к нему неприязнь, и это происходило циклично.

Я помню несколько рождественских праздников, проведенных в Париже. Мы на площади Вогезов, моросит теплый французский дождь, в одной из арок, которых много в зданиях, окружающих площадь, несколько румын играют танго. На них черные, узко шитые костюмы и ботинки с белыми гамашами. Кажется, будто они попали на площадь из другого времени. Звуки музыки становятся сильнее, отталкиваясь от сводчатого потолка. Тогда я безумно любила Милорада и была уверена, что наша любовь никогда не закончится, мы будем любить друг друга вечно, даже смерть не сможет разлучить нас.

Мы гуляли по узким, извилистым улочкам района Марэ. Парижское небо подернулось тенью первых сумерек. Свернув за угол, мы замечаем крошечный скверик. Всего пара лавочек и табличка: «Поющий сад». Экологическая организация посадила здесь деревья, которые любят определенные птицы. В сумерках, когда мир готовится ко сну, каждая птаха садится на свое дерево и начинает петь. Прекрасный в своей гармонии хор! Искусственно созданный островок живой природы. Я опускаюсь на скамейку, кладу голову на колени мужа и представляю, что я бестелесная сущность, сама любовь. Я твержу про себя, что никто больше не сможет причинить мне боль.

Мы ужинаем на Елисейских Полях, блюдо с моллюсками, крабами и крошечными кобальтовыми улитками. Я осознаю, где нахожусь, и мне хочется быть именно здесь. Огни бульвара, журчащая речь гостей ресторана и прохожих, шум машин — все звуки сливаются в один, он проникает в меня и растворяется в моем сознании. Звуки оседают вокруг меня так медленно, словно на них не действует гравитация, и я слышу их отголоски. Они опускаются в мою тарелку, и все происходящее наполняет меня счастьем.

Побег на другой берег

Будьте счастливы, насколько сможете!

Милорад Павич. Другое тело

Я все больше убеждаюсь, что поговорка «Время лечит» совсем не верна. Время идет, но боль от вынужденного расставания с моей любовью становится все сильнее. Как и растущая пропасть, которую я больше не в силах заполнять работой, написанием книг, путешествиями, выходами в свет, лекарствами, развлечениями, шоколадом, сигаретами, приведенными самой себе доводами — ничем! Я стараюсь заблокировать воспоминания, построить между ними и мной стену, делаю ее все выше и выше, но демоны, истязающие меня воспоминаниями, с легкостью ее преодолевают.

Совсем недавно я вспоминала, как мы с Павичем пошутили над самими собой в канун Нового года. Поскольку Новый год и праздники — самое неудачное время для путешествий, мы придумали, как миновать праздничную суету и постпраздничное затишье. На последние два дня уходящего года и на первые два нового мы сняли прекрасные апартаменты в уютном отеле в Нови Београд[4].

Мы с удовольствием паковали вещи для маленького «путешествия» через мост, из Старого города в новый, где должна была начаться идиллия… Мы поставили себе условие, что ни разу не попытаемся наведаться в квартиру в Дорчоле и даже не пройдем по мосту. Река стала воображаемой границей, которая помогала нам представить, что мы уехали в путешествие.

В отеле, куда прибыли не уставшие, поскольку избежали сборов и долгой дороги, мы сразу приступили к получению удовольствий. Плавали в бассейне, наслаждались обедом в канун праздника, нарядившись, устроили новогодний ужин в номере, смотрели салют, припав к окнам на четвертом этаже, во второй половине дня 1 января пригласили друзей на кофе с тортом, поданным под ярко освещенными сводами красиво расписанного потолка в фойе отеля. Все было просто замечательно! Мне не надо было ходить по магазинам, стоять в пробках, мы даже избежали больших трат на непомерно дорогие туры и баснословной платы за новогодний ужин в отеле. Мы смогли побыть наедине, расслабиться и все это в родном городе! Таких новогодних праздников было два в нашей жизни. Это были самые прекрасные, не затратные и милые путешествия, а потому самые

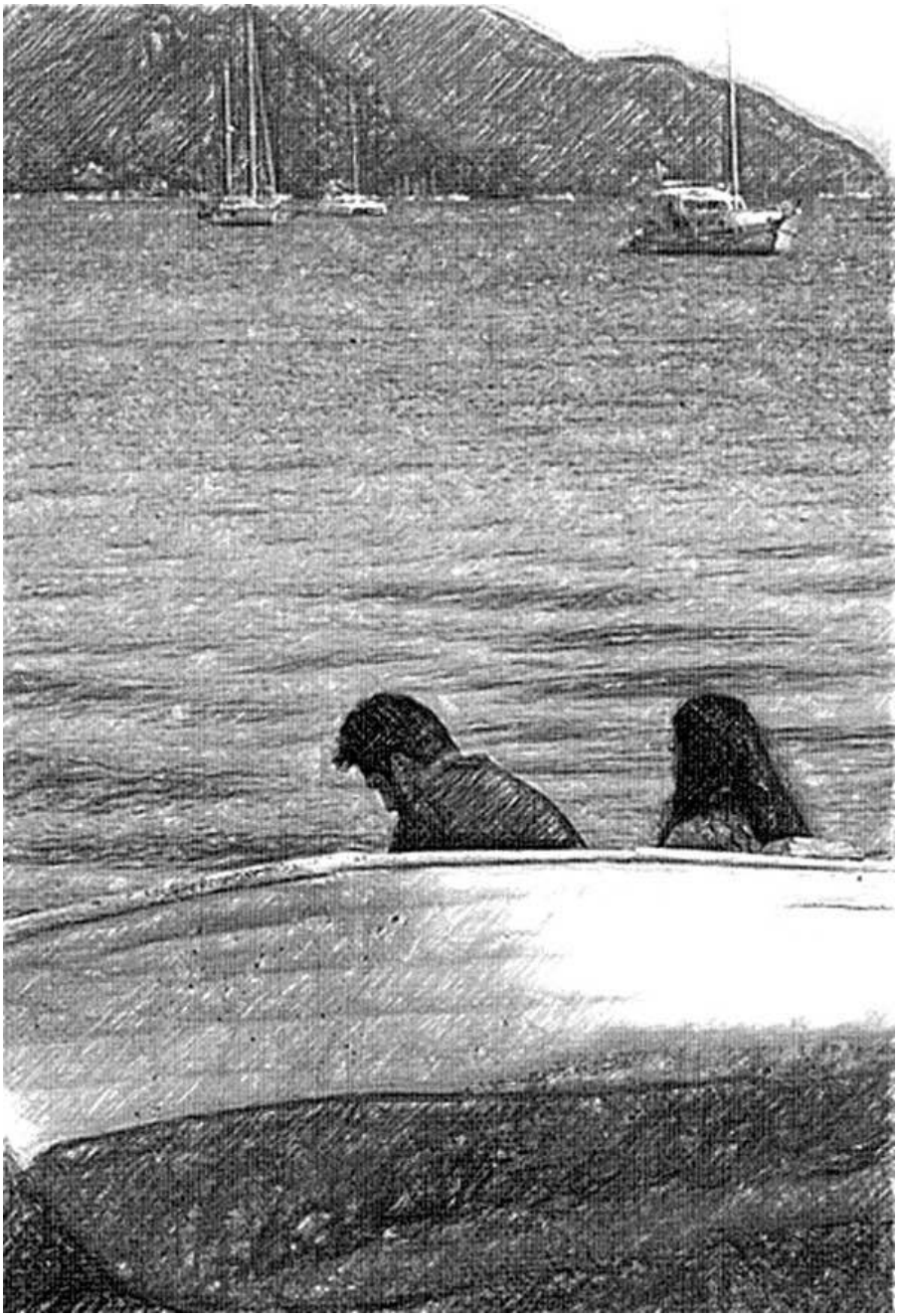
памятные. Они стали для нас своего рода новогодним медовым месяцем. Они действительно напоминали медовый месяц особенным настроением, праздничным убранством номера, украшенной, словно для молодоженов, кроватью, бессонными ночами, подарками, красивой одеждой, завтраком в постели, тихими разговорами, лежа на подушке, огромной ванной с ароматной солью, купленной мной специально для этого случая и перевезенной через Бранков мост.

А сколько родственников и друзей посетили нас тогда! Все мечтали сбежать подальше от шумного новогоднего ужина в иной мир, мир отеля, и скинуть с себя бремя психологически давящей на человека атмосферы праздника. Нам удалось увлечь их иллюзией путешествия и подарить ощущение, что они тоже куда-то уехали. Они пили кофе с кусочком торта, расслабившись и радуясь тому, что не надо быть дома или идти в гости, хотя там им могли предложить и два куска торта. Этот торт имел сладкий, ароматный привкус полной свободы.

Надо сказать, что в нашей совместной жизни двух писателей отель всегда играл важную роль. Мы много путешествовали, гостиницы, в которых мы останавливались, нравились нам не меньше, чем города и достопримечательности, которые мы видели. Номера в отеле для меня не просто временное пристанище, они мой второй дом. В них я свободна от ежедневных хозяйственных забот, и работать там мне комфортнее, чем дома. Пусть и ненадолго, но я могу почувствовать себя аристократкой в поместье со слугами и садом. Разный вид из окна меняет мое восприятие мира. У меня есть возможность оттачивать его, оживлять, делать шире и мощнее. Я также благодарна нашим совместным поездкам за возможность расширить кругозор.

Сейчас начинается моя новая жизнь, часть вторая. Я с опаской наблюдаю, какую она примет форму. И бывает, вздрагиваю от неопределенности, хаоса, иногда мне кажется, я не живу, а играю роль. Временами мое существование напоминает монашество, но чаще забег на 100 метров. В любом случае я больше не прежний цельный человек; я невыносимо скучаю по второй половинке, по моему любимому. Но все же я стараюсь быть счастливой, насколько могу!

Ясмина Михайлович и Милорад Павич
История любви в двух версиях



1 глава
Ясмина Михайлович (женская версия)
Виртуальное наследие

Сильвии Монрос

Лаза Костич (сербский поэт, автор лирических произведений, посвятивший поэму «Санта-Мария делла Салюте» трагически погибшей возлюбленной) подарил Ленке Дунджерска поэму. Каждый сербский школьник, хотя, возможно, и читал ее в сокращенном варианте в силу возраста, знает об этом любовном треугольнике — Ленка, Лаза и церковь. Ленка Дунджерска — единственная сербская женщина, владеющая одним из самых знаменитых в мире соборов, она не несет при этом бремени налогов и ответственности. Я ей завидую. Если такой чести была удостоена Ленка, я тоже имею право. Однако Ленка получила наследство лишь после смерти, я же хотела получить нечто подобное, пусть и более скромное, при жизни. Она жила в XIX веке, когда представления о собственности были иными, я же живу в XXI веке.

Вот как все было. Мой муж — писатель — много лет мечтал о том, чтобы к нему пришел «клиент», например ремесленник, плотник, кузнец или каменщик, и заказал произведение.

— Если я могу заказать дверь у плотника, почему он не может обратиться ко мне с просьбой написать для него рассказ?

Или:

— Если мы обращаемся к строителю, когда хотим построить дом, почему не написать на заказ роман, рассказ, поэму или пьесу?..

Сначала я была в ужасе от столь тривиальных и чуждых, на мой взгляд, творчеству предложений мужа, но шли годы, цены на недвижимость росли, как и дефицит всего в Сербии, и я вспомнила выражение, что писатель тоже своего рода ремесленник, и решилась сделать заказ.

На меня повлияли две вещи. Первая: была издана моя книга «Частная коллекция», и я получила гонорар, хотя скромный, как может показаться. Вторая: я всегда ощущала внутреннюю гармонию, находясь у реки Савы, в районе улицы Караджорджева. Я подумала: почему бы не объединить эти две вещи? На заработанные деньги я могу заказать рассказ и «поселить» свою героиню в любимом месте, дарующем мне душевный комфорт. Финал истории, разумеется, должен быть достойным

произведения, которому предназначалось стать литературным наследием.

Я изложила свою идею мужу:

— Я заказываю тебе произведение, в котором стану главной героиней. Всем читателям, всем нынешним и будущим историкам литературы должно быть сразу ясно, что это я. Я заплачу тебе, если история мне понравится. Сроков я не ставлю, считай, это благодаря нашей особенной, семейной связи… У меня лишь одно условие: я сама выберу дом и место, где буду жить. Во всем остальном предоставляю творческую свободу. Мебель, окружающая обстановка, сюжет, развязка…

Я знала, он согласится.

И он согласился. Без дальнейших обсуждений.

Огромное предприятие, скромные деньги, невообразимые последствия.

Единственное, что оставалось сделать для полного заключения «сделки», — пройтись по окрестностям и найти дом, в который я виртуально перееду.

Как я уже сказала, меня всегда необъяснимым образом привлекал берег реки Савы. Стоит мне оказаться в этом районе, не важно, иду ли я пешком или еду на машине, меня будто обволакивает теплая волна, я чувствую себя спокойно и легко, как в утробе матери, словно нахожусь в невесомости. Это чувство появляется приблизительно в середине улицы Гаврилы Принципа и пропадает по мере движения по улице Париска. Самое сильное ощущение я испытываю на улице Караджорджева. Очень странно… Наверное, это один из самых запущенных уголков Белграда. Разрушающиеся фасады и крыши зданий, последствия войны, смог, выхлопные газы проходящих мимо грузовиков, шум, магазины с неинтересными товарами, покрытые городской пылью машины с грязными колесами. Когда-то этот район был одним из самых красивых в городе, на его атмосфере сказывалась близость реки, Савской пристани, окружение величественных особняков, расположенный здесь театр, особенная архитектура домов, площади. Благородный уголок. То, что мы видим сегодня, — результат урбанизации, остатки некогда блестящей роскоши. Свидетельство того, что, по крайней мере, некоторое время сербы были умным, цивилизованным народом, обладали изысканным, тонким вкусом и шли в ногу со временем… или на один шаг позади. Не знаю… я ни во что больше не верю, пожалуй, лишь немного в будущее.

Но все так, как есть. Таково истинное положение вещей.

Мне по-прежнему не давало покоя наследие Ленки Дунджерска. Ведь дом на берегу Савы нельзя сравнить с храмом

Санта-Мария делла Салюте, к тому же я не происхожу из влиятельной, богатой семьи, как Ленка, хотя мы сейчас нас не сравниваем. После Второй мировой войны ее семью лишили собственности, которая вскоре, вероятно, стала похожа на особняки на улице Караджорджева, положение Ленки приобрело такую же неустойчивость, неопределенность, как у венецианской церкви, возведенной на непрочной земле в окружении подмывающих ее вод. Так было с ними обеими в жизни и в поэме Костича. Зачем же мне просить о большем? В случае с Ленкой мораль ясна. Стоит надеяться лишь на фигуральное владение собственностью.

И вот мы с мужем гуляем по улице Караджорджева в поисках прототипа подарка для меня. Я наслаждалась энергетикой района, не менее увлеченно разглядывая чужие дома, потайные места, скрытые от глаз во дворах, широкие лестницы с остатками прежнего величия. А свидетельств ему мы обнаружили немало. Встречались с потрепанными людьми из ветхих жилищ, «дельцами», хранящими свои «богатства» на чердаках, буржуа и пожилыми дамами в старомодных одеждах, относившихся к нам недоверчиво, сочтя, вероятно, что мы явились сюда с инспекцией… Мы побывали здесь днем и вечером, старались прийти в выходные дни, когда шум улиц немного стихал, целовались в темных коридорах, где перегоревшие лампочки давно властвовали над теми, которые еще светили, разглядывали отпечатки старины, высеченные в камне, то гербы со сколотыми по недосмотру и под воздействием времени кусками, то остатки витражей, фантазировали, как выглядят комнаты за запертыми дверями, изучали имена хозяев. Наши творческие поиски принесли нам больше радости и энергии, чем могло бы дать владение этими особняками и квартирами в них.

Возвращаясь домой, мы обычно изучали документы и цифровые карты, обращая внимание на расположение зданий и пространство между ними, дворы. Сверяли с тем, что могли увидеть с высоты птичьего полета, читали об истории зданий, находя информацию в книгах и учебниках. Ночью мне снились старые лестничные пролеты, кривые улочки, ведущие к Зелани Венац, отвалившиеся с фасадов зданий пласты штукатурки, свет в окнах, манящий внутренним теплом и уютом. Я так глубоко погрузилась в жизнь района, что мой «третий глаз», мое данное Богом особенное зрение, сканер и гидролокатор чувствовал, как проносятся потоки грунтовых вод, как они вливаются друг в друга и соединяются с мутными водами Савы, привнося нечто чистое и новое.

Мы стали настоящими вуайеристами, избравшими для себя

берега Савы.

Пик восторга оттого, что я заказала историю и сама принимаю участие в ее создании, охватил меня, когда я осознала, что могу жить в любом из этих домов. Как же сделать выбор?

Решение было принято благодаря верной оценке происходящего. Моим будет тот дом, в котором я смогу себя представить. Все как в реальной жизни. Это стал дом под номером 1 по улице Кралевича Марка. «Он расположен в самом начале улицы Кралевича Марка, которая идет вверх от Савской пристани к улице Зелани Велац, защищенной от гуляющих здесь ветров… Здание это известно как „дом Луки Человича“, построен он в 1903 году по проекту инженера Милоша Савчича в стиле нового Возрождения с элементами необарокко, как пишут о нем в книгах… Над входом герб с переплетенными буквами „Л. Ч. Т.“ и мемориальная доска, на которой указано, что здание передано в дар Белградскому университету. Владелец дома, известный белградский коммерсант Лука Челович (1854–1929), был долгое время председателем торговой палаты города, располагавшейся в соседнем здании, не менее красивом, выходящем окнами на площадь, называемую „Малый рынок“» (*Павич М.* Тунисская белая клетка в форме пагоды // Страшные любовные истории. Белград: Плато, 2001).

Здание было передано Белградскому университету, который не получал от него никакой пользы. При социализме владение собственностью было условным, это же относилось и к наследству, порядок был установлен, и правительство не собиралось рассматривать эту проблему, таким образом, вопрос о владении зданием мог оставаться нерешенным с юридической точки зрения до бесконечности. Впрочем, литературный дар мужа будет считаться моим, если наследники не станут оспаривать права после его смерти, только таким образом к ним может перейти и «мой дом» из этого рассказа. Поэтому я очень надеюсь, что хотя бы историки литературы не захотят лишить меня того, чем я владею. Разумеется, меня прежде всего интересует заказанный автору рассказ!

Когда мы наконец выбрали дом и муж приступил к работе, мои мысли стал занимать другой вопрос: какую сумму я должна буду заплатить? Мы не подписывали никакого документа (кроме того, оформленного ранее, что подтверждал законность наших отношений), а ведь, помимо рассказа, я хотела владеть еще и вполне конкретным строением, хоть и виртуально. Квадратные метры смешались в моей голове с количеством знаков. Не стоит забывать и о художественной ценности. Вдруг я заплачу слишком много или, напротив, ничтожно мало?

Все разрешилось с помощью моей подруги, которой я конфиденциально поведала о проблеме.

— Сколько, приблизительно, квадратных метров в том доме?

Я ответила.

— Сколько тебе заплатили за книгу и какую часть этой суммы ты готова потратить на рассказ? Или ты готова отдать все деньги?! Но, поверь мне, я ведь тоже писатель и знаю, что мужской и женский труд до сих пор оценивается по-разному в денежном выражении, впрочем, как и в других профессиях. Так что не переусердствуй в своей щедрости!

Краснея, я призналась подруге, какую сумму получила за 257 написанных страниц, занявших 854 килобайта компьютерной памяти. Воистину, мужчины и женщины получают разные гонорары от мужчин и женщин-издателей. Я также поделилась, сколько намеревалась заплатить за работу мужа. Это была моя последняя цена.

— Поздравляю, у тебя есть и квадратные метры, и деньги. Ты станешь владеть домом в центре Белграда по самой низкой цене из всех возможных. Ее нельзя сравнить не только с нынешней рыночной ценой, но и с тем, сколько это стоило в прошлые советские времена. Не переживай, как ни посмотри, ты все равно в выигрыше! Просто наслаждайся даром!

Я думала о том, что у меня слишком много забот с получением условного права владения, а ведь Ленка получила Санта-Мария делла Салюте бесплатно. Впрочем, дается ли в жизни что-то бесплатно?! Ведь она заплатила высшую цену, отдав за любовь собственную жизнь!

Тем временем муж работал над выполнением моего заказа. Он писал и писал. Мне было очень одиноко, как случалось всегда, когда он погружался в творческий процесс. Я становилась словно чужой ему, неприкасаемой. Сейчас он писал обо мне и для меня, но все равно оставался отстраненным. Даже совершив такой ход, мне не удалось стать ближе… Проклятое человеческое желание обладать… Проклятое собственничество. Вот за это нас и изгнали из рая.

В один прекрасный весенний день, не образно, а на самом деле чудесный, мой муж сделал заявление:

— Я закончил. Твой заказ выполнен. Рассказ готов. Когда пожелаешь, я передам его тебе, прочитаю свое произведение. Я назвал его «Тунисская белая клетка в форме пагоды». Кстати, осуществилось еще одно твое желание…

Много лет я жалела, что так и не купила в Тунисе восточную пузатую клетку для птиц с толстыми прутьями. Меня не устроила более миниатюрная, подходящая для транспортировки; я хотела

огромную, настоящую, для целого семейства птиц. Впрочем, не было у меня и птиц, и фонтана, журчание которого так славно гармонирует с птичьим щебетанием. Я живу в Белграде, где летают лишь грязные голуби, а большинство фонтанов сломаны и давно пересохли без воды.

— Отлично, — сказала я, — сейчас принесу деньги.

Я заранее предусмотрительно отложила в белый конверт определенную сумму. Мы сели друг напротив друга, словно противники на дуэли. В его руках исписанные листы, в моих конверт.

— «Человеческие мысли как комнаты, — начал он. — Комнаты бывают светлые и темные. Из некоторых видны река и небо, а у других есть лишь крошечное мансардное и подвальное окно. Слова словно предметы в них, их можно переносить из комнаты в комнату».

Повествование продолжалось, и сердце мое билось как сумасшедшее. Страх, волнение, сомнение — тысячи перемешавшихся, спутанных чувств. Как будет развиваться сюжет, какой будет развязка? Где граница между фантазией и реальностью и есть ли она? Какой я буду в этом рассказе? Такой, какой меня видит он? Любит ли он меня?

Я была похожа на девочку-подростка, которая ждет звонка от возлюбленного и надеется на свидание. Священный момент.

Это чтение было для меня больше чем влюбленность, ухаживание, момент экстаза. Это было познание себя, прыжок в зазеркалье.

Я вспоминаю один сон. Он приснился мне давно, в ранней юности. И наконец стал реальностью.

Я стою в центре огромной церкви, подняв глаза к большому куполу. Внезапно сверху, из самого центра, в потоке яркого света на меня начинают падать золотые листья — тонкие, словно сделанные из неизвестного вещества. И я знаю, что их источник никогда не иссякнет. Очарованная, я оглядываюсь, чтобы поделиться с кем-то охватившим меня восторгом, и понимаю, что никто этого не видит, кроме меня. Люди смотрят в другие стороны, на другие предметы, но не на меня.

М. П. продолжает читать:

— «Поскольку я живу один, бессонница мучает меня все больше и больше, и я борюсь с ней с помощью метода, который лично тщательно усовершенствовал. Все это происходит в моей постели и в моем сознании. И все это связано с моей профессией дизайнера интерьеров. Сначала я выбираю дом, который мне подходит. Например, поставленный на овсяной соломе, которая не позволяет силам зла из подземелья подняться в комнаты. Найдя такой, я каждый вечер мысленно начинаю декорировать его и обновлять. Обставлять мебелью, которую сам придумал. Однако я не просто ремонтирую дом, чтобы сделать его красивым. Я подбираю интерьер для определенного человека. Этот для Я. М. И здесь все будет для нее…

Вместо того чтобы считать, сколько пар прекрасной обуви, которая так мне и не подошла, я купил в жизни, этой ночью я решил заняться обустройством дома Луки Человича. Я знал, что

Я. М. особняк понравился, и это виделось мне ключом к успеху. Я. М. тонко чувствовала „зоны“ с положительной, а также иной энергетикой. Район между Православным собором и Савой был ей особенно дорог. Здесь, на берегу реки, зима пахнет как осень, а весна — как зима, и Я. М. уверена, что, только оказываясь здесь, она обретает свое настоящее имя. Стоит ей покинуть это место, как все меняется в ней, имя в том числе. Именно поэтому выбор ее пал на особняк Луки Человича.

Первым делом, мысленно войдя в здание, я прошептал, словно заклинание, по одному звуку имени Я. М. в каждой из семнадцати комнат». (Возможно, кто-то осудит меня за то, что я использую при написании этой истории о создании рассказа обо мне отрывки из чужого произведения. Но вопрос в том, действительно ли это произведение принадлежит другому человеку? Чье оно на самом деле?)

Однако М. П. продолжал:

— «В те дни, когда я имел возможность видеть Я. М., я следил за движениями ее тонких рук, за ее походкой, наблюдал, как она расчесывает волосы, как держит голову, разглядывал ее плечи и бедра, пытался уловить, как колышется ее грудь, когда она садится, поджимая ноги, в кресло, или бежит, как поворачивает голову, услышав, раньше нас всех, гул самолета, несущего бомбы… Я составил небольшой „словарь движений Я. М.“, для каждого придумав знак. Особенно трудно было подобрать их для неповторимых шагов ее танца. Она всегда танцевала одна, и никогда со мной, и становилась особенно прекрасной. В моем словаре появились знаки, похожие на пометки, которые делали мастера русского балета начала прошлого века. Например, Нижинский использовал их для оценки. Я поместил эти знаки в словарь, чтобы они всегда были у меня под рукой. Я владел своего рода каталогом жестов; тайной азбукой. У меня получилось некое подобие клавиатуры компьютера, управляющей прыжками, поворотами, бегом и плаванием героев в созданной компьютерной игре, которую мы с Я. М. стали называть „романом без слов“. Чтобы подтолкнуть действующих лиц к этим движениям, я придумал разные виды мебели, каждому предмету соответствовало одно из движений Я. М. — открывание двери, выдвигание ящика, поднятие и опускание крышки бюро. Таким образом, я стал обустраивать дом, который бы соответствовал привычкам и жестам Я. М., чтобы заставить ее выразить, по крайней мере в моем представлении, все действия, повороты, подъемы по лестнице, все движения, которые она совершает, открывая и закрывая дверь…»

О, я очень нравилась себе в этом рассказе, я была лучше, чем

в жизни, и еще лучше, чем себе казалась. А дом, обстановка… Невероятно!

Самоуверенность, из-за которой мы и были изгнаны из рая, возобладала над всеми моими чувствами. Несмотря даже на то, что у меня еще не было имени… Я сама не понимала, кто мне нравился больше: моя героиня, или я в реальной жизни, или мой муж с буквами М. П., обозначавшими писателя, или его как героя рассказа? Или я была очарована самим повествованием? Нами, созданными из плоти и крови, существующими в сегодняшнем дне, или нами, как используемым материалом и духовными сущностями? Кто же я? Кто же мы на самом деле?

Семейная и литературная игра превратилась в опасную затею с элементами онтологии и гносеологии.

Но каким был конец рассказа! Вот уж поворот. Вам лучше это прочитать. Я вовсе не желаю сделать рекламу книге или себе, просто это действительно стоит прочитать.

Когда муж закончил, я молча передала ему конверт и взяла из его рук листы рукописи. Он с любопытством пересчитал купюры.

— Как видишь, результатом я довольна. Ты оправдал мои ожидания, пожалуй, сделал даже лучше… — спокойно произнесла я, хотя внутри меня все дрожало. — А что теперь? Что мы будет делать? Как поступают с такими необычными работами? Ты напечатаешь рассказ, размножишь на тысячи копий, чтобы сделать достоянием публики, или он будет принадлежать только мне?

— Я не говорил тебе, но, пока я работал, мне пришла мысль написать обо всех зданиях, которые ты не выбрала. Это будет сборник произведений о берегах реки Савы! Разумеется, «Тунисская клетка» тоже войдет в сборник. Надеюсь, ты не будешь возражать, — добавил он таким тоном, словно это было естественным. Затем он усмехнулся и провел конвертом по подбородку, как заправский делец. — Куплю себе на эти деньги что-то из одежды. Ты ведь так поступаешь со своими гонорарами, да и с моими тоже… В любом случае это удача, и я хочу, чтобы у меня что-то осталось на память. Может быть, добротное пальто… учитывая сумму.

О, мой бог! В голове у меня все смешалось. Я трачу заработанные деньги на произведение искусства, а его создатель покупает на гонорар пальто! Но довольно нравоучений и рассуждений о системах ценностей. Я спешу к маме и сестре, чтобы прочитать рассказ им. По крайней мере, сегодня он принадлежит только мне.

Прямо на пороге, увидев выражение моего лица, мама

спрашивает:

— Ты купила новое платье?

— Нет, мама, нечто гораздо более ценное!

— Меховой жакет весной?

— Нет же, мама, ради бога, я заказала своему мужу рассказ. Я в нем главная героиня! И теперь у меня есть дом на берегу Савы. — Мама посмотрела на меня с удивлением. — Нет, нет, он мой не на самом деле. Я все объясню. А даже, если я и купила дом, что с того?! — Во мне вспыхнуло негодование. — Ты только послушай рассказ, я в нем удивительная, а какая у меня мебель, ванная… Я просто в восторге.

Той ночью я не могла заснуть. Даже проверенный сербский бенседин[5] мне не помог. Рукопись я пристроила под подушку. Туда я обычно кладу новое платье, блузу или туфли. Или вешаю прямо перед собой, чтобы утром, едва открыв глаза, сразу увидеть обнову.

«Вот, — подумала я, — ты поступаешь с литературным произведением так же, как с одеждой, а сама приходишь в ужас от желания мужа купить себе пальто. Кроме того, едва взяв в руки гонорар от первой своей книги, ты первым делом купила себе туфли! Не будем переходить на двойные стандарты».

«Но, погоди, погоди, — шептал внутри меня злобный голосок, — ты не забыла, что он решил включить рассказ о тебе в какой-то сборник?! Какой еще сборник! Берег Савы мой, рассказ тоже мой, все мое…»

«А теперь подумай, — зазвучал в голове голос разума, теперь он почти кричал, — он ведь написал рассказ о ТЕБЕ, это история о вашей любви, а он уже думает о других рассказах, других домах, других героинях…»

Я не завистлива. Правда. Но героиням произведений мужа немного завидовала. Они причудливо одеты, они сильные, волшебные любовницы, обладают уверенностью принцесс. Их было так много… Внезапно я поняла, что мой муж в меня не влюблен, как и в главных героинь своих романов, рассказов, пьес, — он любит исключительно свои книги. Себя, в конце концов! Какой грустный вывод.

«А ты? — спросил голос разума уже немного тише. — Разве ты не любишь больше всего себя? Иначе зачем тебе заказывать рассказ о самой себе, в котором у тебя будет дом? Зачем тебе это виртуальное наследство?»

Измученная осознанием правды, я заснула на рассвете, успокоив себя тем, что подумаю об этом завтра.

На следующий день я сказала автору:

— Знаешь, я дарю тебе мой рассказ. Ты можешь опубликовать

его в любом сборнике, в любой книге; только не в том издательстве, в котором издаются общие книги, «Дерета». Несправедливо, если за одно произведение заплатят дважды, тем более если я получу деньги за книгу, в которую войдет этот рассказ. Это неправильно… В любом случае издатели больше оценят твое авторство, чем мое, тебе хорошо известно, даже в XXI веке отношение к женщинам-писателям и мужчинам-писателям не одинаковое в денежном выражении. Такая вот логика. Мне остается успокаиваться тем, что твой рассказ, в котором я главная героиня, будет стоить дороже, чем мой рассказ о тебе.

Судьба «Тунисской белой клетки в форме пагоды» была такова.

М. П. написал еще несколько рассказов о тех домах, что мы видели во время проведения литературных поисков, и назвал сборник «Истории с берегов Савы». Его опубликовало «Плато» в книге «Страшные любовные истории». За нее, вернее, за рассказы о реке Сава муж получил премию Иво Андрича[6]. Премия, разумеется, предполагает также и денежное поощрение. Таким образом, за мой рассказ мужу было заплачено трижды. Первый раз платила я, затем издательство и третьей была премия!! Затем мой муж, М. П., написал еще несколько рассказов о реке Сава, собрал их вместе, и получилась книга «Семь смертных грехов». Сборник издавался несколько раз и был переведен на другие языки. Моя «Тунисская клетка» вошла в несколько сборников и неоднократно публиковалась.

Да, едва не забыла. На выплаченный мной гонорар М. П. купил пальто. Хорошее пальто. Он до сих пор его носит. Насколько я знаю, рассказы ему больше никто не заказывал. Даже я.

Но заказывали мне. Подруга, которую я упоминала вначале. Она сказала:

— Послушай, могу я вступить в игру, которую вы начали? Творцы ведь не должны быть эгоистами. Я заказываю тебе рассказ, в котором я буду главной героиней. Дом можешь выбрать сама. Главное, чтобы ты писала обо мне… Как тебе известно, — добавила она, — гонорары женщин невелики, поэтому заплатить я тебе не смогу, но предлагаю бартер. Ты получишь мой чердак в доме во Врачаре (район Белграда) и подержанный велосипед! Я серьезно, и вовсе не шучу. Но это все, что я могу предложить. Ты ведь выиграешь больше, создав литературное произведение, которое будет жить века, поверь мне.

Рассказ я так и не написала, но этот посвящаю ей.

2 глава
Милорад Павич (мужская версия)
Тунисская белая клетка в форме пагоды

Ясмине Михайлович

Человеческие мысли как комнаты. Они экстравагантные залы, они же узкие чердаки. Комнаты бывают светлые и темные. Из некоторых видны река и небо, а у других есть лишь крошечное мансардное и подвальное окно. Слова словно предметы в них, их можно переносить из комнаты в комнату. Мысли внутри нас, вернее, эти комнаты соединяются в замки или бараки, они могут быть домами, принадлежащими другим людям, а мы в них лишь арендаторы. Временами, особенно часто это случается ночью, мы натыкаемся на запертые двери и не можем выйти из этих комнат. Мы оказываемся в ловушке собственных мыслей, словно в подземелье, пока не появляются мечты и спасают нас. Мечты как гости на свадьбе, ожидающие возможности войти. До этого нами управляет бессонница. Говорят, она бывает двух видов, они словно две сестры. Одна владеет вами, пока вы не можете заснуть, вторая наваливается внезапно и будит среди ночи. Первая — матерь лжи, вторая — матерь истины.

Поскольку я живу один, бессонница мучает меня все больше и больше, и я борюсь с ней с помощью метода, который лично тщательно усовершенствовал. Все это происходит в моей постели и моем сознании. И все это связано с моей профессией дизайнера интерьеров. Сначала я выбираю дом, который мне подходит. Например, поставленный на овсяной соломе, которая не позволяет силам зла из подземелья подняться в комнаты. Найдя такой, я каждый вечер мысленно начинаю декорировать его и обновлять. Обставлять мебелью, которую сам придумал. Однако я не просто ремонтирую дом, чтобы сделать его красивым. Я подбираю интерьер для определенного человека. Этот для Я. М. И здесь все будет для нее…

Во время наших прогулок я выбрал дом, а позже подробно изучил его историю. Он расположен в самом начале улицы Кралевича Марка, которая идет вверх от Савской пристани к улице Зелани Велац, защищенной от гуляющих здесь ветров. Фасад здания украшают окна в форме креста, таких сегодня не делают. Дом поставлен на «живой девятке», которая, в отличие от других девяток, не является нулем. Он известен как «дом Луки Человича» и построен в 1903 году по проекту инженера Милоша

Савчича в стиле нового Возрождения с элементами необарокко, как пишут о нем в книгах (Г. Гордич, В. Вуйович). «Здание прямоугольной формы с подвальным помещением, этажом над ним, двумя верхними жилыми этажами и чердаком. Главный фасад оживляют большие окна первого этажа, где расположены магазины, и массивные тимпаны над оконными проемами второго этажа. Здание венчают ступенчатый карниз и кирпичный чердак с классическими мансардными окнами…» Над входом герб с переплетенными буквами «Л. Ч. Т.» и мемориальная доска, на которой указано, что здание передано в дар Белградскому университету. Владелец дома, известный белградский коммерсант Лука Челович (1854–1929), был долгое время председателем торговой палаты города, располагавшейся в соседнем здании, не менее красивом, выходящем окнами на площадь, называемую «Малый рынок». Бронзовый бюст Человича установлен поблизости, на угловом здании на улице Караджорджева. Она тянется на юго-запад, в сторону Требинье, откуда Лука прибыл в Белград в 1872 году, чтобы приобрести землю и возвести одно из самых красивых зданий близ Савской пристани. Он также стал одним из основателей движения комитаджи-четников в Сербии, создателем фондового рынка в Белграде и меценатом, поддерживающим научные общества. Говорят, по скрипу пера он мог определить, что пишет его бухгалтер.

Вместо того чтобы считать, сколько пар прекрасной обуви, которая так мне и не подошла, я купил в жизни, этой ночью я решил заняться обустройством дома Луки Человича. Я знал, что Я. М. особняк понравился, и это виделось мне ключом к успеху. Я. М. тонко чувствовала «зоны» с положительной, а также иной энергетикой. Район между Православным собором и Савой был ей особенно дорог. Здесь, на берегу реки, зима пахнет как осень, а весна — как зима, и Я. М. уверена, что, только оказываясь здесь, она обретает свое настоящее имя. Стоит ей покинуть это место, как все меняется в ней, имя в том числе. Именно поэтому выбор ее пал на особняк Луки Человича.

Первым делом, мысленно войдя в здание, я прошептал, словно заклинание, по одному звуку имени Я. М. в каждой из семнадцати комнат.

В те дни, когда я имел возможность видеть Я. М., я следил за движениями ее тонких рук, за ее походкой, наблюдал, как она расчесывает волосы, как держит голову, разглядывал ее плечи и бедра, пытался уловить, как колышется ее грудь, когда она садится, поджимая ноги, в кресло, или бежит, как поворачивает голову, услышав, раньше нас всех, гул самолета, несущего

бомбы… Я составил небольшой «словарь движений Я. М.», для каждого из них придумав знак. Особенно трудно было придумать знаки для неповторимых шагов ее танца. Она всегда танцевала одна, и никогда со мной, и становилась особенно прекрасной. В моем словаре появились знаки, похожие на пометки, которые делали мастера русского балета начала прошлого века. Например, Нижинский использовал их для оценки. Я поместил эти знаки в словарь, чтобы они всегда были у меня под рукой. Я владел своего рода каталогом жестов; тайной азбукой. У меня получилось некое подобие клавиатуры компьютера, управляющей прыжками, поворотами, бегом и плаванием героев в созданной компьютерной игре, которую мы с Я. М. стали называть «романом без слов». Чтобы подтолкнуть действующих лиц к этим движениям, я придумал разные виды мебели, каждому предмету соответствовало одно из движений Я. М. — открывание двери, выдвигание ящика, поднятие и опускание крышки бюро. Таким образом, я стал обустраивать дом, который бы соответствовал привычкам и жестам Я. М., чтобы заставить ее выразить, по крайней мере в моем представлении, все действия, повороты, подъемы по лестнице, все движения, которые она совершает, открывая и закрывая дверь…

Во время моих ночных размышлений я решил не менять фасад дома. Я лишь немного умыл его небольшим количеством цвета. Белым берметом и рубиновым с синевой, каким бывает игристое вино из Италии. Следующая бессонная ночь позволила мне изучить интерьер дома Луки Человича, и я решил изменить лестницу. Я помнил, как в Вене, во дворце Ауэрсперг, Я. М. поднималась по двухмаршевой лестнице, вспомнил, как рука ее ложилась на великолепные металлические перила, а затем опускалась. Я вспоминаю, как она сходила вниз, переступив через закругленный край последней ступеньки. Припомнив, что в соседнем здании Торговой палаты была похожая лестница, я немедленно решил сделать такую же в доме Луки Человича. Следующей ночью я мысленно разрушил два магазина по обе стороны от входа и получил достаточно места для лестницы, поднимающейся в центре к окну второго этажа, а потом опускающейся, что было значительно легче. Новая лестница была каменной с кованым ограждением и перилами из орехового дерева, чтобы руке ее не было холодно, как случилось в Вене. Я лежу в постели и, глубоко вдохнув, представляю, как будет выглядеть новая лестница в доме Луки Человича, но стоит мне выдохнуть — и видение исчезает.

В проемы витрин разрушенных магазинов я вставил витражи с картинами из двух снов Я. М., о которых она мне когда-то

рассказывала. Один из них, тот, что слева, посвящен сну про облака:

«Плотные, словно мох, облака закрывают весь небосвод.

— Они зеленые, словно плесень! — восклицает кто-то рядом.

Люди, приехавшие на пикник, лежат на спинах, прямо на траве, другие сидят в кабриолетах, подняв глаза к небу, и наблюдают, как облака цепляются за верхушки самых высоких деревьев. В крупных городах этот мох окутывает крыши небоскребов, покрывая планету, словно заключая в раковину. Иногда эти массивные мертвые ковры небесного болота рвутся, и поверхность Земли в этом месте дрожит и прогибается так сильно, что у людей начинается головокружение. Даже самолеты не могут взлететь…»

Во время следующих бессонных ночей я устроил хозяйственные помещения в задней части дома Луки Человича: две кухни, летнюю и зимнюю, две ванные комнаты, большую и поменьше. Чердак с тремя окнами я превратил в зимний сад. Я. М. сможет здесь завтракать и курить свои разноцветные сигареты.

Закончив грубую работу, я приступил к внутренней отделке. То, что все это происходило ночью и в моей голове, совсем не означает, что я не проводил все общепринятые и необходимые процедуры, как и требовала моя профессия. Ручки и петли для дверей я заказал у мастера Лунича, который держал магазин возле Калемегдана. Занимаясь отделкой домов в реальной жизни, я также заказываю все изделия из меди и латуни у него. Однако этот заказ был особого рода. Дверные ручки не должны быть одинаковыми, и причина того проста. Каждая из них должна соответствовать определенному движению тонких пальцев Я. М. Когда ручки были изготовлены и установлены, я оглядывал результат с большим удовольствием. Одна была выполнена в форме птицы, которая будет опускаться в ладонь Я. М. всякий раз, когда она будет открывать дверь залы на верхнем этаже дома; другая была в форме смычка, третья — китайского веера. Здесь были и стеклянные яблоки, и мраморные шарики, ручки, сделанные из рога горного ибекса, а для спальни Я. М. я выбрал ручку из ели, которая всегда будет пахнуть заснеженным лесом. Ручка входной двери была в форме дамского револьвера XVIII века. Дверь открывалась при нажатии на курок. Если сложить все движения, которые будут проделаны, чтобы открыть эти двери, получится мелодия любимой песни Я. М., Ausencia…

Разумеется, я наведывался к дому Луки Человича и в дневное время. Это ветхое здание выглядело хуже, чем в моем воображении. Витрины четырех магазинов внизу были покрыты

пылью, у ворот сидел странный старик в шляпе с заплатами и курил трубку, от которой пахло мокрыми козлиными рогами, а в ушах этого типа я заметил что-то белое, похожее на пену для бритья. Я был очень расстроен.

В сумерках я принялся с большим рвением отделывать дом. У мастера Лунича я заказал пятьдесят пар отлитых из бронзы мужских губ с усами и женских, накрашенных помадой, и разместил их на стенах в комнатах вместо пепельниц. Они сообщались с домовой вентиляцией и втягивали пепел и окурки сигарет, которые курила Я. М. и разбрасывала повсюду. Сломав несколько стен второго этажа, я получил просторную «музыкальную комнату»; впрочем, она скорее напоминала зал для танцев, окна которого выходили на площадь, называемую когда-то «Малый рынок». Здесь Я. М. могла выплескивать всю свою энергию в танце под бешеные звуки Mesečina. В довершение здесь я положил новый паркет, схожий по рисунку с мозаикой-лабиринтом в Шартрском соборе, который Я. М. любила вспоминать.

Я устроил большую ванную на втором этаже со стороны двора. Ручка в форме трубки для курения гашиша открывала путь в прямоугольное, почти пустое помещение. На потолке была картина затянутого облаками неба. Ступив на пурпурный с дымчато-черным пол, сразу замечаешь стеклянную кровать с красной подушкой из водонепроницаемого материала. С помощью рычага, который регулирует силу и направление струи, получается настоящий дождь. Таким образом, Я. М. сможет спать на стеклянной кровати под теплым дождем или, что особенно ей понравится, танцевать в душе, подпевая «Хазарской дороге». Я до сих пор помню, как она поводит плечом, похожим на те, что изображены на картинах в гробницах египетских фараонов, где люди всегда изображены сбоку, а их лица — в профиль.

Окно в ванной представляет собой стеклянную полусферу в человеческий рост. Ступив в нее, можно ощутить себя будто внутри уличной колонны. Молочного цвета стекло украшено увеличенной фотографией маленького сына Я. М. Он стоит и тянет колу через соломинку. В кабинете Я. М. на первом этаже я подвесил на цепь к потолку плетеное кресло с седлом вместо обычного сиденья, ремни которого располагались так, чтобы, держась за них, Я. М. могла раскачиваться, будто на качелях, и откинуть голову, чтобы отдохнуть после работы на компьютере. На одной стене располагался огромный экран, на котором Я. М. могла увидеть Лару Крофт в полный рост — свою любимую героиню, свое альтер эго. В сумку на седле я положил подарок от себя — электронную книгу, в которую загрузил все напечатанные

произведения Я. М. и небольшую библиотеку ее любимых романов. На другой стене я закрепил полку, где лежит на бархатной подложке школьная ручка Я. М.

Просторная кухня была спланирована так, чтобы любоваться в летнее время тенями пролетающих мимо окна птиц, а зимой видеть, как падают на землю крупные тени снежинок. На стеклах подсвеченных фальшь-окон карты Корнуолла и Египта — двух самых любимых Я. М. мест на Земле. Здесь же висит салфетка из грубой ткани с изображением двух деревенских красавиц у массивной печи. Их слова вышиты красной нитью:

— Ешь, сестра, капусту, пока горяча!
— Дома сыру поела, не голодная пока!

Тунисскую белую клетку в форме пагоды я поместил в угол, у кресла. В ней спит Константин — полосатый кот, точь-в-точь такой же, как та кошка, которую Я. М. нашла в Греции и полюбила. Я. М. утверждала, что кошка видит мои сны, а вовсе не свои собственные. Я. М. никогда не готовила блюда, которые требовали от нее больше времени, чем прослушивание песни «Девяностые» дважды. Однако, учитывая стремительность Я. М., это можно приравнять к часу или полуторам другого кулинара. Она шутила, что жизнь ее летит так быстро, что скоро она станет старше меня, хотя по возрасту я вполне гожусь ей в отцы. На самом деле к приготовлению еды Я. М. относилась с неожиданной мудростью; она говорила, что время это не должно быть больше того, которое требуется, чтобы блюдо съесть.

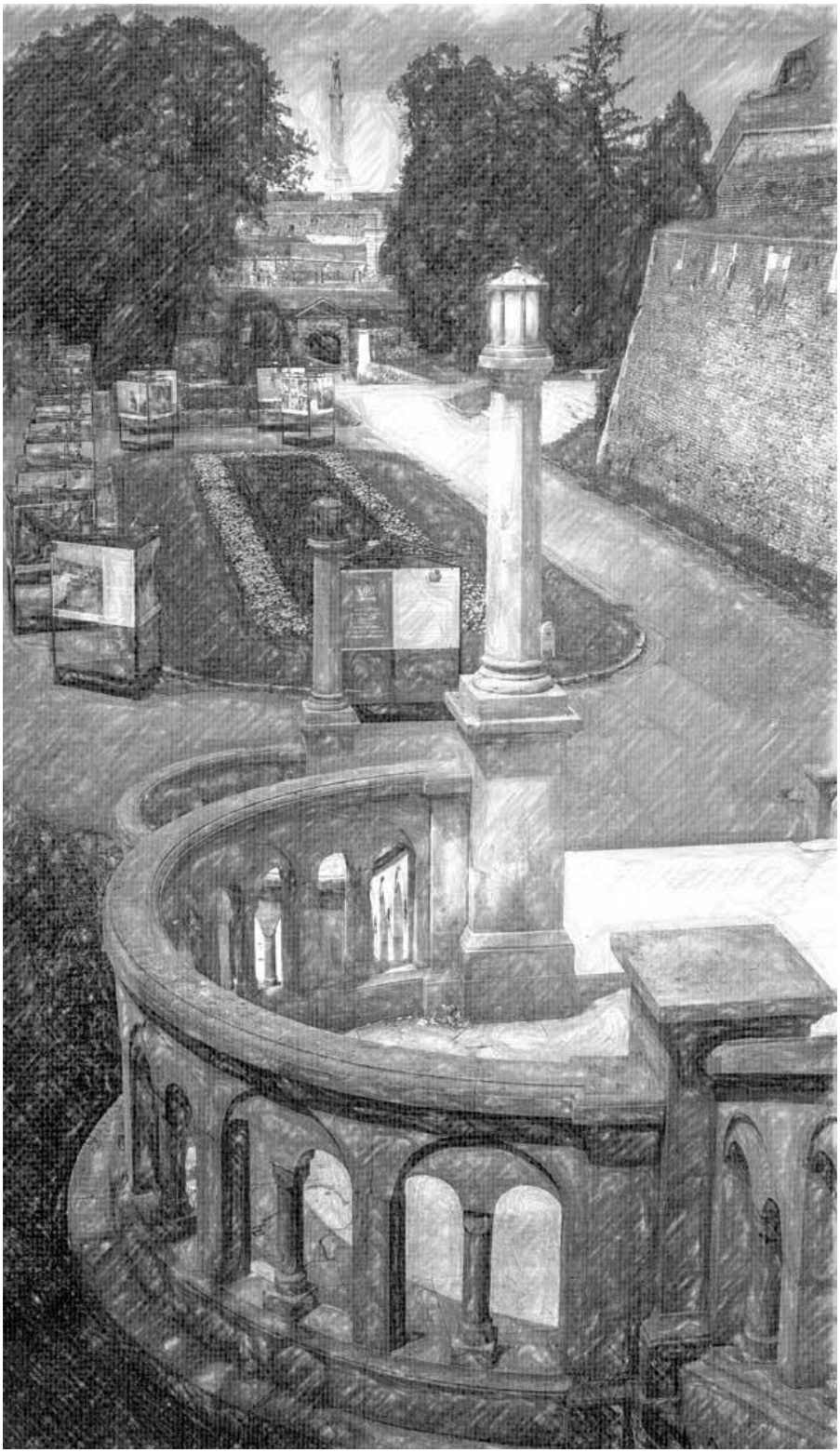
В меньшей ванной комнате было установлено треугольное джакузи и небольшой шкафчик, в котором хранились бутылка «Рамазотти Амаро» и хрустальный бокал. Я. М. могла дотянуться до них прямо из ванны, как всегда умудрялась делать — взять все, что ей необходимо, даже лежа в постели. В центре маленькой ванной я поставил средневековый женский паланкин. Если поднять подушку сиденья, можно увидеть круг из слоновой кости, закрывающийся овальной крышкой. Под ней мраморный короб без дна, опрокинутого в подвал, туда, где под землей текут сточные воды…

Спальня Я. М. была устроена на втором этаже рядом с большой ванной. К ней я присоединил маленькую гардеробную. Женские и мужские наряды одинаково хорошо сидели на Я. М. Туфли не снашивались десятилетиями. Я поместил сюда и ее одежду, и мою. Но внезапно мой творческий процесс зашел в тупик…

Если не считать синего дивана, который я, не раздумывая,

установил между двумя окнами, и необычного зеркала с дырочкой в углу, бессонными ночами мне не приходили идеи, что еще поместить в комнату Я. М. Впрочем, чего-то подобного и следовало ожидать. Настал ключевой момент. Я начал все работы по дому не только ради борьбы с бессонницей. Была у меня и другая, более важная причина: я мечтал вернуть Я. М. в свою жизнь. Пусть и таким бессмысленным, безрезультатным способом, как воспоминание о каждом ее жесте, каждом движении, сделанном от момента входа в дом до мгновения отхода ко сну. Расставленные по дому предметы способствовали созданию в моем воображении целого фильма о Я. М. Она двигалась стремительно, быстрее, чем все, кого я знал. Она замечала, протягивала руку или высказывалась так, словно стреляла из рогатки. Я полагал, что раз она так быстра, то может почувствовать, насколько плотным стало скопление моих мыслей о ней, и отреагировать прежде, чем будет поздно. Возможно, она на самом деле придет посмотреть на дом у «Малого рынка», где живут теперь, благодаря моим бессонным ночам, ее движения и танцы.

Разумеется, эти надежды каждое утро рассеивались в тусклом свете предстоящего дня. Достаточно было взглянуть на грязных птиц в небе и плывущие облака. Одним таким утром я получил сообщение от клиента, ожидающего в моем кабинете, с просьбой позвонить. Я не мог связаться с ним незамедлительно, и через день-другой вновь услышал в трубке мужской голос; представившись, он изложил просьбу заняться одними апартаментами. По ходу разговора выяснилось, что он видел некоторые отремонтированные мной дома в Белграде, поэтому я согласился. Он стал диктовать адрес, и я едва не упал в обморок. Дом находился по адресу: улица Кралевича Марка, 1.



— Возможно, вы помните здание, — продолжал голос в трубке, — его называют «фамильным особняком Луки Человича». Интерьерная отделка не везде закончена, поэтому я звоню вам от имени заказчика…

Не в силах ждать оговоренной даты встречи, я бросился к указанному дому. Уже издалека было видно, как изменился дом Луки Человича. Фасад был выкрашен в цвет бермета и рубиновым с синевой, как итальянское вино. В проемы витрин двух магазинов по обе стороны от входа были вставлены новые витражи. На левом было изображено небо со странными облаками. Это была картина на стекле. Облака казались очень плотными, зелеными, как мох, и закрывали почти все небо. На картине были и люди, приехавшие за город на пикник, они лежали на траве, глядя вверх, на кроны деревьев, за которые цеплялись облака…

В растерянности я взялся за ручку, выполненную в виде дамского револьвера XVIII века, и нажал на курок. Замок щелкнул, и дверь распахнулась передо мной. Моему взгляду сразу предстала лестница в стиле барокко с двойным маршем, в нос ударил запах мокрого рога. Удивленный, ко мне направлялся старик в заплатанной шляпе и с трубкой во рту — сторож, как я полагаю. Проигнорировав его крики, я схватился за перила из орехового дерева и помчался на второй этаж. Миновав кабинет Я. М., где еще покачивалось кресло с седлом, я пробежал мимо кухни, напугав спящего там Константина. Губы мои дрожали, но я непрерывно твердил:

— Невозможно, этого не может быть… — до тех пор, пока не осознал, что промок насквозь под проливным дождем.

Желая быстрее попасть в спальню, я выбрал короткий путь через большую ванную комнату, где до сих пор шел дождь или кто-то только закончил мыться. Мокрый с головы до ног, я остановился на пороге единственной комнаты, которую не смог закончить в своих фантазиях. Спальня. В ней и сейчас почти не было мебели. Лишь синий диван меж двух окон. На нем и сидела Я. М., поджав под себя ноги. Черная челка, коротко стриженные локоны на затылке и серьги в форме золотых сигарет. Улыбка старше ее самой. Как всегда, под черным платьем и искрами на чулках я отчетливо почувствовал плотность ее тела. Стремительность за фасадом расслабленного женского тела. Я замер, пораженный, и произнес:

— Скажи, что все это неправда!

— Что значит неправда, ты ведь промок до нитки!

— Но тогда объясни как? — глупо моргая, спросил я.

Я. М. рассмеялась:

— Ты требуешь объяснения всему этому? Но зачем оно, ведь это ты и я? Разве любовь нуждается в объяснении? Но если ты так хочешь услышать… Да, все это неправда. Все, от дверной ручки до стеклянной крыши. Этого дома и этой обстановки не существует в реальной жизни. Все здесь симулируемая бесконечность и временная вечность.

— А ты? — срывающимся голосом спросил я.

— Я, разумеется, тоже не существую.

— Не верю! — закричал я и сделал шаг к ней. Вдыхая аромат женщины, будто читаешь ее мысли. Я подошел ближе, склонился к пахнущим свежестью волосам, но она не пошевелилась, лишь произнесла:

— Не важно, веришь ты в это или нет, ведь ты тоже не существуешь.

— И я?

— И ты. Это компьютерная игра, нас загрузила в нее сама Я. М.

Ясмина Михайлович и Милорад Павич
Ящик из Котора

Милорад Павич
Ящик для письменных принадлежностей
(редакция Ясмины Михайлович)

Я, нынешний владелец письменного набора, приобрел его за год до окончания XX века за 1000 немецких марок у официанта в Будве, получив в придачу загадочную улыбку, мелькнувшую над тарелкой с суховатым куском баранины, приготовленной этим вечером для гостей отеля.

— Господин, не желаете купить необычный ящик? Им владел капитан. Ящик для письменных принадлежностей, карт, подзорной трубы и всякой всячины, — произнес официант, интимно понизив голос, и поставил передо мной тарелку.

— А я могу на него посмотреть?

— Покажу вам его за завтраком. Он у меня здесь, в отеле.

— Несите, — велел я, подумав при этом, что у него, как человека молодого, еще есть время стать разумнее, а вот у меня его почти не осталось.

Письменный набор оказался большего размера, чем я ожидал; однако он мне очень понравился, и, таким образом, я стал его владельцем.

Скорее всего, он принадлежал семье Дабиновичей из Доброты, в нем хранили судовые карты, позже он оказался в старом дворце в Которе, где в нем держали самые разные вещи, относящиеся к более позднему периоду. Затем, по рассказам официанта, ящик опять вышел в море, но всего один раз, и та поездка печально закончилась для его прежнего владельца.

— Я не слишком расспрашивал о том, что тогда произошло, — добавил официант, — ведь, как известно, узнав тайну, становишься ее частью. Мне это ни к чему! Короче говоря, о том владельце ящика не осталось даже слухов. Сам он был неразговорчив, от него ничем не пахло. Даже потом… Из моря он не вернулся. Поэтому ящик и продается…

Изготовлен он из красноватого дерева и обит по бокам латунью. Пустой он весит почти четыре килограмма или — опять же, по словам официанта, — как небольшая собака. Размеры его приблизительно 51 сантиметр на 27 и высота 17 с половиной. Неточность в размерах, вероятно, вызвана тем, что в то время и в том месте, где ящик был изготовлен, в ходу была иная единица измерения — дюйм, фут или еще что-то.

— Если уж вас так интересуют детали, — говорил официант, — помните: то, что относится к сантиметрам, властно

и над другими единицами, которыми можно измерить душу и сердце…

На обеих боковых сторонах ящика были закреплены латунные пластины с кольцами. Несмотря на внешнюю схожесть, назначение их было разным. Правое кольцо (если смотреть со стороны замка) можно переставить и использовать для переноски ящика, как небольшого сундука. Левое нельзя вытащить, если замок закрыт. Если потянуть за него, открывался потайной боковой ящичек.

Когда крышка ящика открыта, хорошо видно, что внутри его три уровня, этим он похож на жилой дом. Кроме того, там пятнадцать отделений, отсеков и углублений разного размера, пять из которых были с секретом. Часть из них была скрыта на верхнем уровне ящика, какие-то на среднем, а некоторые на нижнем. В самой глубине была спрятана, помимо прочих деталей, небольшая музыкальная шкатулка. Так что нутро его не было бесполезно пустым.

У ящика имелось шесть замков. Один наружный, и он виден на передней панели закрытого ящика. Замок «LH. M. GR Patent Thompson». Он открывается маленьким ключом, который владелец всегда носит с собой. Кто осмелится лизнуть замок, почувствует, что он соленый. По этому и другим признакам можно определить, что ящик некоторое время находился в морской воде, которая, однако, не проникла внутрь и не позволила ему затонуть. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, так как подобные ящики всегда изготавливают водонепроницаемыми. Остальные замки находятся внутри. У каждого разное назначение. Некоторые лишь выглядят замками.

Ящик принес мне больше проблем, чем пользы, поскольку пришлось изучить все его потайные отделения. Открыть все вышеупомянутые замки. Увлекательным это занятие было лишь для моего носа, поскольку многие внутренние ящики долго не открывали, и каждый из них сохранил свой запах. Вполне возможно, что, помимо известных мне пятнадцати, ящик имел и другие отделения и секретные уголки, в которые мне так и не удалось проникнуть; возможно, их предстоит изучить уже следующему владельцу этого загадочного предмета.

Когда же ящик стал моей собственностью, он не был абсолютно пустым. В нем лежали всякие мелочи, часть их относилась к веку XIX, но не представляла никакой ценности, иными же, скорее всего, владел человек, взявший его с собой в море в конце XX века.

После проведенной ревизии и тщательного изучения я сделал

следующие выводы о самом ящике и его содержимом.

Крышка его скошенная, когда она полностью открыта, то образует вместе с самим ящиком наклонную поверхность для письма, состоящую из двух панелей, покрытых тканью. Таким образом, получается некое подобие бюро со столешницей, вдвое превышающей по размеру ширину ящика (около 54 сантиметров).

На внешней стороне я обнаружил латунную пластину — солнце в форме эллипса с выгравированной датой «1852» и буквы «T.A.R.» готическим шрифтом. На выцветшем сукне остались следы пролитого рома, красных чернил, а также была надпись на итальянском, гласившая: «Всякий раз, когда Европа заболевает, она ищет лекарство для Балкан».

Если приподнять крышку, можно почувствовать застарелый аромат корицы, так пахнет отделение под ней. Скорее всего, мастер, изготовивший ящик, предполагал, что здесь будут хранить карты и оборудование для определения местоположения судна, но вместо этого я нашел нюхательный табак и сорок восемь почтовых открыток, перевязанных голубой лентой. Все они адресованы одному лицу, некой мадемуазель Генриетте Довиль, Перуж, Франция, но так и не были отправлены. Более того, на них не было марок, и на всех, кроме одной, одинаковый вид — арка Дефанс в Париже. Лишь на последней изображение венецианских коней. Текст был написан на французском, красивым женским почерком с наклоном против направления письма и характерным крестиком вместо буквы «I». На самом дне закрытого отделения обнаружились зубочистка из пера утки и дамская кружевная перчатка, сшитая в Которе, вывернутая наизнанку и источающая аромат «Роза Кипра».

Мне, новому владельцу ящика, довелось еще раз встретиться с продавшим его человеком. Это произошло зимой в Которе. Дул южный ветер, приносящий сумерки длиннее ночи; из-за проливного дождя невозможно было выйти поужинать. Я сидел в фойе недалеко от входа, когда услышал музыку. Кто-то включил кассету с песней «В тихой рубашке завтрашних движений…». Я вспомнил, что и в ящике та же мелодия предупреждала о южном ветре. Звуки заставили меня встать и переместиться к полукруглой барной стойке. И тут перед собой я увидел официанта из Будвы. Лицо его было безмятежным, ничего не выражающим. Теперь он работал здесь.

— Доброе утро, Ставр, помнишь меня? Можешь подать мне вино с водой, как это делают в Греции? Но будь аккуратен, лей так, чтобы стакан наполнялся вином, а не воздухом!

Ставр, похоже, оценил шутку и ответил:

— Доброе утро, господин М. Рад приветствовать! Какова погода! Сегодня даже рыба плачет… Немедленно все приготовлю.

Через мгновение официант поставил передо мной бокал белого вина с водой.

— Позволь, задам тебе вопрос, Ставр.

— Прошу, господин. Бог через купину спрашивал, да мы не ответили.

— Скажи, где ты добыл ящик для письменных принадлежностей, тот, что мне продал?

На лице Ставра появилась сдержанная и загадочная мужская улыбка. Бывают улыбки, что живут на лицах мужчин и женщин

уже столетия. Их передают по наследству следующему поколению. Улыбке официанта было по меньшей мере несколько веков.

— У меня и сейчас кое-что найдется, — процедил он. — Лекарство от старости. Могу продать вам в кредит.

— Что же это за лекарство от старости, Ставр?

— Мы больше думаем о теле, нежели о душе. Каждый вечер надо вставать у открытого окна и не меньше десяти раз проводить процедуру изгнания беса. Это несложно, просто нужно знать, что делать. Необходимо насколько возможно глубоко вдохнуть каждой ноздрей, а затем выдохнуть через рот весь воздух из тела, чтоб из самой глубины живота шло. Как почувствуете, что из вас вышел неприятный запах, дело сделано. Это и есть запах дьявола. Значит, он из вас вышел. Его изгнали чудесные ароматы божьих заповедей. Дышите так раз десять каждый вечер, пока не выйдет запах дьявола, и проживете на десять лет дольше…

— Благодарю, Ставр, но я спросил, откуда у тебя тот ящик?

— Господин, вы же знаете, нам всем известно, где мы сеем зерна, но никто не знает, где соберет урожай. Однако, видит бог, все было совсем не так, как вы подумали.

— Откуда тебе знать, что я подумал?

— Мне ли не знать, где черт женился? У меня работа такая, подливать да знать, о чем гость думает.

— Хм, и о чем же я думаю, Ставр?

— Господин думает, что я не умею смешивать вино и воду по-гречески. Если я ошибся, так прямо и скажите.

— Верно, Ставр, я думал об этом. Ты не умеешь. Впрочем, это не важно. Ответь же, ты знаком с владельцем ящика? Может, он твой родственник?

Губы Ставра заалели и растянулись в красивую девичью улыбку. Известную человечеству еще раньше, чем его прежняя, мужская. Продемонстрировав прекрасные зубы, он жалобно произнес:

— Нет у меня больше ни семьи, ни родных. Всех унесла война, господин М. Времена так изменились, зло пришло на Землю и горе.

— Так откуда ты знаешь владельца?

— Что значит — откуда, господин? Как мне его не знать, когда я хотел убить его еще тогда, в Боснии, только не смог.

— Сожалеешь?

— Нет, господин. Я стрелял в него под водой, но пуля не долетела. Вода его спасла.

— А ящик? Где ты его достал?

— Из воды и достал. Вода смилостивилась и спасла мне

жизнь тоже. Так я его и получил. Я был барменом на греческом судне «Исидор», когда владелец с ящиком поднялся к нам на борт. Он сразу показался мне странным. Из тех, кто на свадьбу приходит со своим хлебом. Его заботили лишь три вещи: что в нем, что на нем и что под ним. Стоило судну встать на якорь, он натягивал свои ботинки — один красный, другой черный — и шел на берег играть и кутить. Он видел те звезды на небе, которые нам не разглядеть. Я слышал его последние слова, только не понял. Он сказал: «Это падший ангел! Мы все обречены». Когда корабль разбился, он исчез в пучине, кажется, его что-то ударило по голове, а я успел схватиться за какой-то деревянный предмет. Только когда волны выбросили меня на берег, я смог разглядеть, что это ящик капитана. Позже я выяснил, что он действительно принадлежал ему, а также узнал и все остальное…

Неожиданно лицо Ставра опять изменилось. На нем не было ни мужской улыбки, ни женской, оно опять стало непроницаемым. Он добавил:

— Вы, господин, теперь думаете, что пора заплатить за вино?

— Именно так, Ставр.

— Видите ли, господин М., это я вам должен, а не вы мне.

— С чего это?

— Выигравший получает все. Когда я продал вам ящик, вы, простите, должно быть, подумали, что я взял за него больше, чем он стоит. Так ведь было, признайтесь?

— Да, Ставр, у меня была мысль, что я тебе переплатил.

Услышав мои слова, Ставр достал из кармана 500 немецких марок и протянул мне над бокалом.

— Они ваши, господин М. Столько вы мне переплатили. Я возвращаю вам деньги, теперь мы в расчете…

Видя мое удивление, он продолжал:

— Хотите, скажу, о чем вы сейчас думаете? Считаете, что теперь вы меня обобрали. Скажите, что нет?

— Ты опять прав, Ставр, точно так я и думаю.

— И снова ошибаетесь. Все не так.

— А как же, Ставр?

— Некоторое время назад в Котор приезжала дама с маленьким ребенком, расспрашивала о том кораблекрушении. Молодая, но седая вся, иностранка, думаю, француженка. На нашем языке ни слова не знала; не говори она по-французски, оставалось бы мычать или блеять. Ее отправили с переводчиком ко мне.

Она сетовала на птиц, которых видела во сне, и дала мне пятьсот марок за ящик.

— Так почему ты не отдал его?

— Она дала мне деньги за то, чтобы я отдал ящик для письменных принадлежностей вам, господин.

— Она заплатила тебе, чтобы ты отдал ящик мне?

— И добавила, что последний владелец знал вас.

— И как ты поступил, Ставр?

— Взял деньги и обещал, что все выполню, но не мог отдать вам ящик просто так.

— Почему же?

— Потому что вы уже его купили. Вот теперь я возвращаю вам деньги той дамы.

— Но как вы, два человека, живущие в разных местах, выбрали меня следующим владельцем ящика?

— Что значит — как, господин? Мы ведь читали ваши мысли, потому так и решили.

— Хорошо, скажи, о чем я сейчас думаю?

Улыбка появилась на его лице, но не молодого мужчины и мудрой женщины, как прежде, а иная, совсем бесполая.

— Полагаю, господин подумывает написать что-то об этой истории с ящиком…

Ясмина Михайлович
Отделение для монет и колец

Я люблю таинственные дома и необычные предметы в них, а еще истории об этих домах и загадочных находках. Люблю читать их и слушать.

В реальной жизни все мистическое находит меня само. Это происходит внезапно.

Котор — идеальное место для подобных событий, хотя в последнее время я стала уставать от города. Откровенно признаться, я полагала, что он не способен постоянно удивлять меня странностями. Я размышляла об этом в ноябре 1998 года, отправляясь на презентацию совместной с М. книги «Две истории из Ко тора», организованную на родине этого произведения.

— Не забудь взять меховой жакет, — напомнила мне во время телефонного разговора перед самым отъездом подруга из Котора.

— Думаешь, мероприятие будет проходить на таком уровне? — переспросила я, представляя красную дорожку и свет огней…

— Нет-нет, я о ветре, сейчас время борея!

Я бывала в Которе зимой, летом, весной и никогда осенью. Не видела мощных штормов; мне известен лишь ветер Паннонии, налетающий со стороны Косово — сухой, яростный, варварский, кочующий по разным землям. Бог мой, северный борей — это же ужасно! Гидра с сотней голов, чьи щупальца проникают в каждое тело до самой тонкой косточки. Они прикасаются ко всему, что попадается на пути, и обволакивают холодом: людей, камни, печи, животных и деревья. Такие вот особенности Средиземноморья! Мех совсем не подходит для такой холодной и влажной погоды. Он лишь создает иллюзию, что, завернувшись в шкурку, можно укрыться от пронизывающего ветра. Тем не менее я была очень благодарна подруге за совет и заботу.

— Что касается презентации книги, у меня для тебя два подарка. Ты будешь в восторге! — прошептала она, когда мы встретились в Которе.

— Неужели ты нашла стол из моего рассказа? (Написанный мной рассказ из книги «Две истории из Котора» назывался «Три стола», это мистический детектив об удивительном столике.)

— Ты меня переоцениваешь! Нет, дело в другом…

Был еще и третий сюрприз. Довольно неприятный. Связанный с отелем.

Мы всегда останавливались в гостевом доме с довольно

странным для Котора названием «Вардар»[7] — совершенно неподходящее название для гостиницы, расположенной в солидном каменном особняке в центре города. На этот раз, вероятно, в связи с широким празднованием Дня города, гостям предложили остановиться во «Фьорде» — громадине в социалистическом стиле на самом краю бухты. Название подходило ему лишь в смысле расположения, во всем остальном — это полный диссонанс. Обдуваемое зимним бореем помпезное строение, укрывшее всего нескольких человек, выглядело в моих глазах гротескно. Оно походило на судно, брошенное у самого берега. В предоставленном нам номере ветер просачивался через все многочисленные щели и трещины, отчего казалось, что на улице бушует настоящий ураган. (Думаю, не стоит уточнять, что отопление не работало, балконные двери плотно не закрывались, в кварцевом обогревателе функционировала лишь одна трубка и т. д. и т. п.)

— Как же мы будем здесь спать? — возмущалась я. — Как хорошо, что я захватила меховой жакет. Он будет служить мне халатом и одеянием для сна.

Я с нетерпением ждала обещанных подругой сюрпризов, надеясь, что положительные эмоции хоть немного меня согреют. Ведь радость всегда согревает изнутри.

Презентация книги должна была проходить в зале музыкальной школы — с ним я была знакома по прошлым деловым поездкам — красивая лепнина, люстры в стиле барокко…

— Ну же, загляни внутрь, прежде чем начнется церемония. Посмотри, как я украсила для тебя сцену. А потом я покажу тебе главный сюрприз, — загадочно добавила подруга, благодаря ей я никогда не уезжала из Котора без подарка, каждый раз увозила с собой несколько любопытных историй и букет местных трав, которые засушивала и добавляла в блюда. (Я люблю букеты, которые можно потом использовать в кулинарии, получить вкусовые ощущения после наслаждения эстетического. Даже мой букет невесты на второй свадьбе был изготовлен из ароматных трав. Запах был божественный. Он сохранился до сих пор. Этот букет я не позволила съесть. Разумеется, на свадьбе я бросила его сестре…)

О, я была приятно удивлена тем, как декорирована сцена. Одна трибуна для ораторов была обита бархатом, другая парчой, обе украшены ветками настоящего плюща; подсвечники с семью рожками; тяжелые резные кресла — сдержанная классика. Никаких подсвеченных фонтанчиков и икебаны из мертвых цветов!

Я подумала, что поездка начинается чудесно, несмотря на рев ветра, набиравшего силу к ночи.

В Которе я никогда не чувствовала себя уставшей. После нескольких часов пребывания здесь вся накопленная в Белграде и в других местах усталость улетучивалась. Появлялось ощущение, что смесь морского и горного воздуха бухты Бока промыла меня изнутри. В голове появлялась легкость, мысли становились ясными, почти прозрачными; все во мне, словно по щелчку, чудесным образом вставало на свои места.

«Надеюсь, за эти дни М. тоже сможет проветриться и избавиться от ненужных мыслей», — думала я в ожидании второго сюрприза от подруги.

Последние несколько месяцев муж изводил себя муками творения нового романа, рабочее название которого было «Треугольная комната». У него никак не получалось построить сюжет и композицию. Произведение становится увлекательным благодаря множеству вещей, в основном композиции, построению повествования, хотя сейчас, когда я смотрю на работу писателя не с академической точки зрения, то понимаю, что прежде всего это едва уловимая магия творения. Произведения — живые существа, гомункулы, созданные творцом. Муж решил на время оставить роман, хотя периодически возвращался к нему, проверяя температуру и степень выдержки… Это были лишь невыраженные вмешательства. Роман покоился в компьютере в невесомости, как нерожденный младенец в околоплодных водах…

— Итак! Второй подарок!

Я опешила, увидев перед собой Морской музей.

— Значит, ты все же нашла стол! — рассмеялась я.

— Нет, это нечто еще более потрясающее!

К нам вышла управляющая. Похоже, сюрприз будет чисто женским: неожиданным, смелым, уникальным, творческим…

— Дорогая Ясмина, — произнесла глава музея, — позвольте сделать вам необычный подарок от города Котора. К сожалению, вы сможете наслаждаться им всего один вечер, как в сказке, однако он представляет большую ценность. Вы можете выбрать любое украшение, выставленное в музее, и надеть его на презентацию книги. Украшение может оставаться с вами до утра. Всю ночь. Это исключительный жест, — продолжала женщина. — Мы надеемся, что он станет некоторым утешением, ведь вы так и не нашли стол из своего рассказа. Я хотела сказать… что, как управляющая музеем, хорошо понимаю желание человека материализовать мечту. Я работаю не только с материей, но и с духовной составляющей и понимаю, что такое баланс и дисбаланс. Разумеется, все будет зарегистрировано

официально, — поспешила добавить она, выслушав мои сбивчивые слова благодарности. Я действительно находилась под большим впечатлением.

После того как я получила подарок, выданный мне музеем на один вечер, на меня навалились заботы. Я была озадачена расчетами. Я бы сказала, чисто женскими. Сколько у меня есть времени до начала церемонии, сколько займет выбор украшения, сколько их всего представлено в музее? Увидев четыре витрины, я испугалась.

«Бог мой, это почти так же сложно, как выбрать туфли в Италии», — подумала я, начиная паниковать. Сначала мне нравилась каждая пара, на которую падал взгляд, потом, когда я решалась на покупку, мне не нравилась ни одна, и в результате я покупала итальянские туфли в Белграде.

Хотите узнать, что я выбрала после просмотра изделий, ряд которых мне казался бесконечным? Колье, броши, кольца, булавки, серьги, пряжки… Мужские четки!

Только они, как мне показалось, могут на один вечер стать колье, которое мне подходило. Оно соответствовало ситуации, ведь и литературное произведение, бывает, трансформируется прямо на глазах. Итак, мужские четки XVII века с крупными золотыми бусинами стали моим ожерельем.

Презентация книги прошла идеально. Меня переполняло чувство благодарности городу, но я твердо решила, что чудеса, происходящие со мной здесь, должны прекратиться. Борей начал стихать, все интервью были закончены, ночь мы провели в относительном тепле, четки я вернула вовремя. Впереди у нас было еще два полных дня, чтобы погулять, наведаться на рынок, посмотреть фестивальные выступления, проходящие по всему городу в честь праздника, увидеть парад моряков и традиционный танец коло…

В воскресенье, в последний день нашего пребывания в Которе, подул ветер с юга. Полил дождь, напоминая о романе «Сто лет одиночества», дождь, который, кажется, не закончится никогда, он принес запахи влажности и предчувствие болезни, они переплелись с тревогой, постепенно охватывающей людей, землю и море. Капли воды с неба смешивались с соленой водой моря и, разносимые ветром, проникли даже в наш номер. Сырость поползла по стенам, проникла под одеяло, изменила вкус воды, наполнила печалью все живое и неживое вокруг.

Я думала о том, что мужской северный борей во сто крат приятнее, чем южный женский ветер.

«Почему мне суждено было испытать на себе влияние их обоих всего за несколько дней? — жалела я себя. — Почему я

должна проводить последний вечер в давящей атмосфере, вызывающей в человеке суицидальные мысли и безысходность от невозможности найти причину, по которой он не должен резать себе вены?»

Я, например, была готова убить себя от одной мысли о предстоящем ужине в нашем социалистическом монстре.

Мы спустились вниз и обнаружили, что остались единственными постояльцами. После окончания празднеств, фестивалей, спортивных состязаний и шествий, парадов и прочих культурных мероприятий (как принято говорить) все гости города разъехались.

— Вовремя они смотались, — ворчала я, — как раз перед тем, как изменился ветер.

В ресторане был накрыт лишь один столик. Наш.

Все вокруг казалось теперь ненастоящим. Огромный зал с несколькими лампочками, выдержавшими нападки непогоды, блики от них падали на бока металлических ведер, рядом лежали грязные тряпки, которыми собирали воду, льющуюся с неба в заливе Бока; в этом здании, напоминающем о «потемкинских» деревнях, вода проникала в каждую щель — меж мраморных плит и досок хорошего дерева, которыми был облицован потолок. Наш одинокий стол с сальными столовыми приборами и пластиковыми ложечками для десерта ждал, когда на него поставят суп, жидкое картофельное пюре и подгорелый венский шницель.

Повернувшись в сторону кухни, М. прокричал на весь зал знаменитый вопрос, который можно часто услышать в детективных фильмах:

— Есть там кто-нибудь?

Его разнесшийся по пустому залу окрик выманил из кухни странного вида человека, лениво прошествовавшего в нашу сторону; он был не в форме официанта, а в обычной одежде, засаленной, как и приборы на столе. Перед собой он толкал пустую на первый взгляд сервировочную тележку. Я оглядела человека, совершенно не похожего на официанта, и спросила мужа:

— Что это за странный тип?

В ответ он лишь пожал плечами.

Человек встал у нашего столика, затерянного в полумраке зала, и задал, неприятно потирая руки, совсем не тот вопрос, который мы ожидали. Вместо привычного «Чего изволите?», он произнес:

— И как сегодня наш господин писатель?

М. выдержал удар и ответил ему в тон:

— Голоден!

Мое самолюбие было уязвлено. Этот тип не походил на человека, который любит читать, если вообще умеет, и все же… Не только мужчины бывают писателями.

— Вас немедленно обслужат! Суп, картофельное пюре и шницель сейчас подадут. А десерт, — он загадочно улыбнулся, — будет чуть позже.

Затем, к моему удивлению, он извлек с нижней полки тележки наш холодный суп, уже затянутый сверху пленкой, жидкое пюре и подгоревший шницель. (Шницель не просто подгорел, а подгорел в прогорклом масле. Уточняю подробности во избежание недопонимания.)

— Боже правый, что же это такое? — не выдержала я.

— Ничего удивительного. Теперь ты знаешь, что такое южный ветер в Которе. Прошу! — ответил М. и стал пытаться отрезать кусок мяса тупым ножом.

— А суп ты не хочешь? — спросила я, немного повеселев. — Скажи, на десерт нам подадут знаменитое средиземноморское яблоко или ореховое парфе? Ты не заметил, что еда в детском саду и ресторане с социалистическим укладом схожа? И все же что же с нашим десертом?

— Полагаю, они еще не решили, принести высохшее яблоко или парфе. Ничего загадочного.

— Я предпочитаю парфе! Я уже решила.

Через некоторое время опять появился наш неспешный «официант» и заявил:

— Знаете, у меня есть один любопытный ящик для письменных принадлежностей с секретными отделениями. Не желаете взглянуть? Он вам понравится.

— И где он? — с готовностью спросил М.

— Здесь, в кухне.

— Что ж, давай посмотрим.

— Принести вам сначала десерт или ящик?

— Ящик, — распорядился М.

— Тогда я принесу яблоки вместе с ящиком.

Он проскользнул в кухню, освещенную так ярко, как операционная, насколько мы могли видеть из нашего окутанного мраком уголка, и вскоре вернулся с тележкой. Нагнувшись к нижней полке, он подал нам ящик из розоватого дерева, отделанный латунью; следом появилась тарелка с двумя сморщенными яблоками.

Положив ящик на стол перед нами, он принялся, словно волшебник, разбирать его, открывая и закрывая бесчисленные отделения. Невозможно описать, на что это было похоже. В этом

предмете была истинная суть самого Котора. Простой на первый взгляд, обычный прямоугольный ящик. Однако внутри скрыто множество уровней, изобретательно организованных отсеков, тайных уголков, секретных коробочек. Открывая их на каждом из трех уровней, можно изменить до неузнаваемости внутреннее пространство, размер и форму. Трансформации меняли кубатуру предмета, симметрия превращалась в асимметрию, ожидаемое оборачивалось сюрпризом. Не говоря уже об удивительном аромате настоящего дерева, витавшего в воздухе вместе с мельчайшей пылью…

— Меня зовут Гавро, живу тут неподалеку, на холме. Ящик этот принадлежал одной семье, Д., у меня есть еще их подсвечник, могу принести, если хотите… Я подумал, вы писатель, вдруг вас заинтересует ящик для всяких бумаг, а еще здесь есть потайное отделение для монет и другое для колец, я своими глазами его видел, там даже монеты лежали… Только вот не помню, как его открывать. — Гавро изо всех сил нахваливал товар. — Ящик плавал на корабле, в нем хранили много ценного, кто знает, чего он только не видел…

— Очень интересный предмет, — заметил М. — Но нам он не нужен!

Повисла тишина.

— Что, простите? — заикаясь, пролепетал Гавро. — Но ведь он должен быть у вас… вы ведь… пишете…

Несмотря на то что я была поражена ответом мужа, нанесенное моему достоинству оскорбление было сильнее, ведь, говоря «вы», Гавро имел в виду только особь мужского пола, а не нас обоих. И мой муж никак на это не отреагировал.

— Вот так, он нам не нужен, — повторил М.

— Может, посмотрите на подсвечник? — Бедняга Гавро не сдавался.

— Доброго вечера!

Я готова была расплакаться.

Быстро, словно кубик Рубика, Гавро сложил ящик и удалился.

Перед нами остались лишь сморщенные яблоки.

Я ничего не могла понять. Голова шла кругом, но я молчала, не произнесла ни звука. Бог мой, меня даже стало трясти. Невозможно поверить! Старинный ящик, с неповторимым духом, с отделением для чернильницы и гусиных перьев, наклонной крышкой для письма, с неисчислимым, как мне показалось, количеством секретных отсеков для всяких безделушек, затейливый, таинственный, безупречный по пропорциям, разборный. Идеальный по форме, словно древняя пирамида. Ящик из Котора — настоящее чудо! Упавший с неба, переживший

кораблекрушение, штормы, переходивший из рук в руки, попавший, наконец, к нам и вот: «Он нам не нужен!»

Он должен быть нашим, по божественной, высшей справедливости попавший к писателям, если нам суждено идти этим путем… Роскошный подарок от Бока-Которской бухты. Невозможно представить, что я не смогу держать его в руках.

К номер мы вернулись в молчании, неожиданно ощутив усталость каждой косточкой, каждой клеточкой тела… Снаружи бушевала буря, сломанная балконная дверь была открыта, несмотря на то, что, уходя, мы подперли ее стулом, шторы плясали в воздухе, словно две мокрых змеи… Постельные принадлежности впитали сырость и теперь выглядели как мокрые крабы…

Началась ночь бесконечных уговоров. Дуэль литераторов и супругов.

ОНА. Почему, скажи на милость, ты так ответил?

ОН. Это же ловушка!

ОНА. О, какая ловушка, ты видишь, с нами опять происходит то же самое…

ОН. Что бы ни случилось, мы не можем увезти ящик из Котора. Кто угодно, но не мы…

ОНА. А как же «историческая» справедливость?.. Этот тип продаст ящик кому-то другому, и он останется в Которе. А ведь должен принадлежать нам согласно переходящему праву собственности, он заменил бы «мой» стол из Котора, я могу назвать еще тысячу причин, по которым он должен стать нашим. О, мой бог… Почему же так сложно понять…

ОН. О, я отлично понимаю, и ты это знаешь. Я понимаю все лучше тебя, именно поэтому ящик не должен стать нашим…

ОНА. Что за упорство! Мазохизм, садизм и… Мне продолжать?

ОН. Нет и нет!

Его «нет» было железобетонным, казалось, единственный выход из лабиринта закрыли навсегда.

Мы сидели в полной тишине. Я начала всхлипывать, затем заплакала в голос, безутешно, с надрывом, с моими слезами не мог сравниться даже дождь Котора. Я легла на влажную кровать, и подушка стала совсем мокрой от моих слез.

— Что, если мы купим его и подарим Морскому музею? Ящик останется в Которе, а мы сможем время от времени им любоваться… — Между всхлипываниями прокралась надежда.

— Ящик — не щенок, а Котор — не зоопарк…

— Ах, в любом случае уже поздно. — Я вытерла слезы. — Бедного Гавро за завтраком мы уже не увидим. Его смена

закончится. Все закончится. Навсегда…

— Почему «бедный» Гавро? Это мы бедные! Ты можешь радоваться, что хотя бы увидела этот ящик.

Я зарыдала еще сильнее.

— Мне не удалось даже толком его рассмотреть, я была так взволнована. Гавро, наверное, уже уехал, он работает по неделям, и в воскресенье его смена заканчивается. Почему мы даже не узнали номер его телефона, адрес, фамилию, наконец!

— Кто знает, может, ничего этого не существует.

— Знаешь что, я с тобой разведусь!

Ночь я провела без сна, в слезах и полубреду, меня переполняли чувства и страх поверить в то, что уже ничего не изменится. В полудреме я мысленно искала «свой» стол в Которе, пыталась дотянуться до него будто сквозь множество зеркал, но видела лишь, как складываются в разные композиции потертые доски, превращаясь в отделения для колец и монет. Те самые, которые показывал Гавро, открывая ящик. А потом перед глазами вставал самый загадочный предмет, скрытый в глубине чрева деревянного короба…

— Я так никогда и не узнаю все его тайны… А ведь туда прекрасно бы поместились мои кольца. Он был бы моей шкатулкой, несмотря на то что всегда принадлежал мужчинам, капитану, плавал на корабле. — Я пыталась себя успокоить тем, что владельцу определять, какого пола будет предмет и в каком качестве будет служить. Вместо подзорной трубы — ожерелье, вместо компаса — браслеты, размышляла я. — Карты сменил бы мой дневник, своего рода путеводитель по жизни. Я получила ожерелье-четки на один вечер, как Золушка. И теперь осталась без украшения и без ящика, и все потому, что они принадлежат миру мужчин… Сейчас, когда я вновь вспоминаю о ящике… — продолжала я, — ведь он все же создан для письма, у него наклонная крышка, чернильница… а в одном из отделений вполне можно хранить пистолет… Какого он рода? Женского или мужского? Он мой или М.? Рассказ о Которе мы писали вместе, мы оба любим город, он живет в нашем воображении. Получается, «Две истории из Котора» — андрогин, и ящик можно считать таким же. И предназначен он для двух вещей: письма и хранения колец. Моя проблема благополучно разрешилась.

«Но ведь и ты литератор», — вступил мой внутренний голос.

Напоминание меня смутило. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, я не ответила себе на вопрос: действительно ли я писатель? У меня всегда были некоторые проблемы с идентификацией личности. Это связано с особенностями моей психологии и семейного положения.

Я не считаю себя литератором, но пишу. Все очень неопределенно, однако, если я буду глубже погружаться в размышления об этом, то, возможно, перестану писать. Мне лучше не знать, кем фактически являюсь, и продолжать заниматься любимым делом. Таким образом, я пришла к компромиссному ответу на возникший в душе вопрос: женщины-писатели тоже иногда носят украшения.

Начинался новый день. Солнечный. Буря закончилась, не оставив следов, будто ее и не было. Глядя из окна на бухту, я испытываю ненависть к ее природной красоте, к себе, к мужу, я ненавижу наши ауры, которые постоянно притягивают к себе, словно вирусы, подобные вчерашнему событию, и от этого нет никакого спасения.

Вещи мы собирали молча, каждый складывал и упаковывал свои. Мы были словно чужими людьми, случайно оказавшимися в одном номере.

В ресторане, куда мы спустились на завтрак, вновь был накрыт лишь один стол, стояли две тарелки. Как в сказке… только забыла в какой.

Подтаявший маргарин, джем и ромашковый чай с лимоном — все это принес нам Гавро! На нем была та же одежда, что и вчера вечером, не форменная, на лице то же выражение. Он молча поставил завтрак на стол. Я следила за каждым его движением и, несмотря на удивление, заметила зеленые пятнышки плесени на скатерти. Это были следы от ящика и доказательство того, что все произошедшее за ужином случилось на самом деле.

Оставаясь невозмутимо-холодным, мой муж произнес:

— Мы вчера разговаривали с нашим приятелем. Он коллекционер антиквариата и хотел бы приобрести ящик. Однако тебе придется доставить его в Белград по адресу, который я дам. В течение месяца, не позже. Мы отдадим тебе часть суммы, остальное получишь от нового владельца, когда доставишь товар.

Оставаясь таким же невозмутимо-холодным, Гавро произнес:

— Это вполне выполнимо, но я подумал, что могу получить за него двое больше, если оставлю ваш залог и продам другому человеку.

Стараясь не растерять последнюю надежду, я пролепетала:

— Ты никого не станешь обманывать, я уверена.

Черногорцы всегда держат слово!

На лице Гавро мелькнуло подобие улыбки.

— Это верно. Поэтому я доставлю ящик в следующую субботу ровно в шесть утра. Только дайте адрес.

С ледяным выражением лица мой муж выложил на стол деньги и листок с нашим адресом.

Уже в самолете я не выдержала и спросила М.:

— А что, если не все черногорцы держат слово? Сейчас конец XX века. Времена сказочных событий и подвигов прошли.

— Не важно. Тогда деньги станут жертвой, которую нам суждено было принести ради ящика из Котора.

В Белграде мы были во второй половине дня. Нас встретил морозный ветер, сметающий все на своем пути. Матерковый вариант борея. Едва мы переступили порог дома, М. сел к компьютеру и стал печатать быстро, яростно, без пауз, словно одержимый.

Поздно вечером у меня наконец появилась возможность с ним поговорить.

— Скажи на милость, что ты весь день печатал, будто это последний день твоей жизни?

— Для «Треугольной комнаты» я никак не мог найти верный ход, который и подсказал мне ящик. Ящик из Котора стал тем недостающим звеном для всего произведения, самым важным ключевым моментом… Да, и романа «Треугольная комната» больше не существует. Я написал «Ящик для письменных принадлежностей».

— Говоришь, я написал «Ящик для письменных принадлежностей»? Но это же плеоназм… — Будучи в шоковом состоянии, я ни о чем другом не подумала.

— Надо было скорее все записать, пока я не забыл. Ты ведь понимаешь, мы можем больше не увидеть главного героя рассказа. Однако он так точно вписался в сюжет… ты не представляешь, все наконец встало на свои места.

— Значит, ты закончил книгу благодаря моей шкатулке?!

— Ты тоже можешь ею пользоваться. Кто тебе мешает? — Сказав так, он повернулся к экрану и погрузился в виртуальный мир творения, продолжив работать.

Я осталась одна. Совершенно одна. В миллионах световых лет от мужа. Возможно, мне тоже стоит написать роман, чтобы таким образом стать к нему ближе…

Итак, началась неделя великого нетерпения. Неделя ожидания субботы.

Мы рассказали Вуку, которому тогда было десять лет, эту увлекательную историю о загадочном ящике с потайными отделениями и сообщили, что на днях его должны привезти.

Вечером в пятницу сын заявил:

— Нам сегодня лучше не ложиться спать, будем ждать Гавро… если заснем, то можем не услышать звонок в дверь и не получим ящик.

Мы сами боялись того же, но ответили:

— Гавро похож на Санта-Клауса, иногда он приходит вовремя, а иногда опаздывает.

— И еще тот, кто найдет отделение для колец и монет, получит торт! — предложила я.

Ящик прибыл ровно в шесть утра, меньше чем через неделю с момента нашей первой встречи с ним. Разумеется, Вук и я проспали час его появления в нашем доме, так что для нас он буквально свалился с неба. Мы просто открыли глаза и увидели ящик.

Дрожа от волнения, мы принялись разглядывать его впервые при свете дня. Он казался таким же волшебным, что и в полумраке вечера. Соблазнительно-таинственный и от этого еще более прекрасный.

Несколько часов мы разбирали его и собирали вновь, любуясь каждой отдельной частью и всем целым, восхваляя задумку мастера, изучая с помощью лупы английские буквы на замках. Но разгадать его тайну и найти отделение для монет и колец мы так и не могли. Нам было точно известно, где искать, но понять, как привести в движение механизм, его открывающий, было невозможно. Отчаявшись, я, как человек педантичный, начала обрабатывать его антисептиком. Никогда не знаешь, какие опасные морские микробы могли укрыться в многочисленных щелях. Протирая поверхность миллиметр за миллиметром, я надавила в одном месте сильнее, и раздался щелчок! Затем открылась потайная дверца, и я увидела два небольших отсека с миниатюрными ручками из слоновой кости. Один представлял собой коробку с крышкой, второй был открытым, с множеством крошечных углублений. Пошарив в одном из них, Вук нашел монету… 18 какого-то года, две последние цифры были затерты.

— Торт мой, торт мой! — закричал он.

Мы задвинули ящички обратно, опустили крышку, и… подняв ее снова, не смогли понять, как открыть потайное отделение. Я и М. вместе надавливали на все стенки, но ничего не происходило.

— В каком месте ты нажимала, вспоминай! — кричали с двух сторон мои мужчины.

— Не знаю! Не помню! — в отчаянии кричала я в ответ. — Я сейчас опять начну его протирать и найду…

— Дайте ящик мне, — распорядился Вук. — Я найду это отделение и навсегда запомню, где оно.

Маленькие пальчики неумело на первый взгляд стали ощупывать ящик, будто прикасались к клавишам клавиатуры компьютера. Разумеется, он нашел то секретное место, и мы отныне успешно открываем потайное отделение ящика для

письма.

— Теперь ящик и торт мои! — торжественно заключил Вук.

И все же чей же он, ящик для письменных принадлежностей? Милораду он помог написать книгу, мне подал идею создания «Отделения для монет и колец», а для Вука стал любимой игрушкой. Впрочем, книги принадлежат Котору, а ящик стал нашим. Вот такой ироничный конец этой удивительной истории.

Примечания к изданию

Книга «На берегах Хазарского моря» выходила частями с 2012 по 2013 год в журнале «Она», рассказы серии «Запоздалые письма о любви» были опубликованы в том же издании в 2010 году.

Совместная работа Ясмины Михайлович и Милорада Павича «История любви в двух версиях» напечатана издательством «Чигоя» в 2004 году.

Глава «Ящик из Котора» представлена полностью впервые. Ранее версии Милорада Павича и Ясмины Михайлович публиковались отдельно в разных изданиях и в разное время.

Об авторах

Ясмина Михайлович — писатель и литературный критик. Автор нескольких книг в жанре рассказов о путешествиях, очерков и одного романа, занималась редактированием прозы Милорада Павича. «Повести души и тела» (1992), сборник рассказов «Две истории из Котора» (в соавторстве с М. Павичем) (1998), сборник рассказов «Частная коллекция» (2000, в четырех изданиях), «История любви в двух версиях» (в соавторстве с М. Павичем, 2004), книга о путешествиях «Альбом путешествий» (2006) и «Коллекция путешественника» (2008), очерки «Любовь без секретов» (2005) и роман «Парижский поцелуй» (2007).

«Парижский поцелуй» был переведен на русский и английский языки.

Ясмина Михайлович является редактором работ Милорада Павича, изучением и отбором которых она занималась (с 2010 по 2013 год ей удалось опубликовать более 60 книг Павича в Америке, России, Корее, Индонезии, Франции, Греции, Грузии, Монголии, Словакии, Болгарии, Турции, Албании, Азербайджане, Мексике и Чешской Республике), она хранитель музея-квартиры Милорада Павича, открытого Городским собранием Белграда.

Милорад Павич (1929–2009) — сербский прозаик, поэт и историк литературы. Специалист по истории сербской литературы XVII и XIX веков, литературы периода барокко и символизма, переводчик произведений Пушкина и лорда Байрона, профессор университета.

С 1991 года член Академии науки и искусства Сербии, член Société Européenne de Culture, член сербского ПЕН-клуба.

Работы (исследования, очерки, монографии): «История сербской литературы эпохи барокко» (1970); «Воислав Илич и европейская поэзия» (1971); «Гаврила Стефанович Венцлович» (1972); «Воислав Илич, его времена и работы» (1972); «Память в языке и стихотворной форме» (Нови-Сад, 1976); «История сербской литературы эпохи классицизма и предромантизма» (1979); «Рождение новой сербской литературы» (1983); «История, класс и стиль» (Нови-Сад, 1985); «Краткая история Белграда» (1990); «История сербской литературы 2, 3, 4 (эпоха барокко, классицизма, предромантизма)» (1991); «Роман как государство и другие очерки» (2005).

Стихи: «Палимпсесты» (1967); «Лунный камень» (1973); «Души купаются в последний раз» (стихи и рассказы) (Нови-Сад, 1982).

Рассказы и повести: «Железный занавес» (1973); «Кони Святого Марка» (1976); «Русская борзая» (1979); «Новые рассказы о Белграде» (1981); «Вывернутая перчатка» (Нови-Сад, 1989); «Шляпа из рыбьей чешуи. Любовная история» (1996); «Стеклянная улитка. Короткие рассказы для Интернета» (1998); «Две истории из Котора» (в соавторстве с Ясминой Михайлович, 1998); «Терракотовая армия» (1998); «Страшные любовные истории» (доработанное и обновленное издание, 2002); «История о траве» и другие рассказы (2002); «Девять дождей» и другие рассказы (2002); «Кесарево сечение» и другие рассказы (2002); «Семь смертных грехов» (2002); «Два веера из Галаты» — «Стеклянная улитка» и другие рассказы (2003); «История любви в двух версиях» (в соавторстве с Ясминой Михайлович, 2004); «История, которая убила Эмилию Кнорр» (на сербском и английском, 2005); «Сборник рассказов» (2008); «Мушка. Три коротких нелинейных повести о любви», «Матица сербская» (Нови-Сад, 2009).

Романы: «Хазарский словарь». Роман-лексикон в 100 000 слов (1984); «Пейзаж, нарисованный чаем. Роман для любителей кроссвордов» (1988); «Внутренняя сторона ветра, или Роман о Геро и Леандре» (1991); «Последняя любовь в Константинополе. Пособие по гаданию на картах таро» (1994); «Ящик для письменных принадлежностей» (1999); «Звездная мантия. Астрологический справочник для непосвященных» (2000); «Невидимое зеркало», «Пестрый хлеб» (роман для детей и прочих) (2003); «Уникальный роман» (2004); «Голубая книга» (2004); «Свадьба в купальне. Веселая пьеса в семи действиях» (2005); «Другое тело» (2006); «Бумажный театр» (2007).

Пьесы: «Театральное меню навсегда и еще на день» (1993); «Две интерактивные пьесы» («Кровать на троих», «Стеклянная улитка») (2002); «Интерактивные пьесы» («Вечность и еще один день», «Кровать на троих», «Стеклянная улитка») (2004).

Хорошо известен как автор нелинейной и интерактивной прозы (повестей, рассказов, пьес). Павич — один из самых читаемых писателей с Балкан, его произведения переведены на тридцать шесть языков, выпущено свыше трехсот печатных изданий.

Творчество Павича отмечено множеством призов, среди которых премия журнала «Нин» (1985), премия Мешы Селимовича (1988), награда «Борисав Станкович» (1992), Октябрьская премия Белграда (1992), премия Петара Кочича (1994), премия Вука Караджича (1994), премия Иво Андрича (2001) и многие другие.

Адрес сайта Милорада Павича и Ясмины Михайлович (на сербском, русском и английском языках) www.khazars.com.

notes

Примечания

1

Номерные знаки в Панчево — городе недалеко от Белграда, жители которого известны как плохие водители, также начинаются с букв «П» и «А». (*Примеч. пер.*)

2

Морской берег, побережье, пляж (*тур.*).

3

Многие термины индустрии компьютерных технологий и названия электронных приспособлений не переводятся на сербский, только транслитерируются для введения в язык. (*Примеч. пер.*)

4

Нови Београд (Новый Белград) — один из 17 муниципальных районов Белграда, расположен недалеко от района Стари Град (Старый город), на другом берегу реки Савы, также включает в себя район Дорчол. (*Примеч. пер.*)

Бенседин — диазепам, валиум. (*Примеч. пер.*)

6

Премия Иво Андрича вручается за лучший рассказ или сборник рассказов, изданный за предшествующий год в Сербии. (*Примеч. пер.*)

Вардар — река в Македонии. (*Примеч. пер.*)